

ВЛАДИМ
ПАНОВ

РУЧНОЙ
ПРИВОД

La Mystique De Moscou

Вадим Панов

Ручной Привод

«Автор»

«ЭКСМО»

2009

Панов В. Ю.

Ручной Привод / В. Ю. Панов — «Автор», «Эксмо», 2009 — (La Mystique De Moscou)

ISBN 978-5-699-32338-8

Он существует с незапамятных времен, а может, и дольше. О нем знает вся Вселенная, но видели его единицы. Он редко включается, но с его работой всякий раз связана судьба человеческой души – «искры». Никто не знает, почему он называется Ручным Приводом. Но именно здесь, посреди ничего не подозревающей Москвы, определяется ход вечной борьбы двух Царств за «искры». Только отсюда можно выйти на связь с тем, кто порождает человеческие души. И именно сюда Царства присылают своих комендантов, попеременно управляющих Ручным Приводом. Но, даже получив Силу и Вечность, человек не способен отречься от своего прошлого, а потому и на Земле, и во Вселенной кипят страсти, совершаются благородные и подлые деяния – и за всем этим следит Ручной Привод. А за ним присматривают коменданты, в обязанности которых входит еще и наказание тех, кто возомнил себя равным Богу...

ISBN 978-5-699-32338-8

© Панов В. Ю., 2009

© Автор, 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	38
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Вадим Панов

Ручной Привод

Смысл всякой деятельности лежит за ее пределами.

Человек взял в руку стакан воды и сделал глоток.

Может быть, он хотел пить.

Может быть, он хотел запить лекарство.

А может быть, хотел попробовать воду на вкус.

Мы не можем судить об этом, если не знаем, что было до глотка и что после. Чтобы понять смысл деятельности, нужно выйти за ее пределы. Внутри ее мы можем понять только смысл ее отдельных частей.

Смысл всякой деятельности лежит за ее пределами.

И смысл жизни – вне ее пределов.

В.К. Тарасов. «Книга для героев»

Пролог

- Кончай мухлевать, брат Бандера!
- Обломись, брат Бизон, я играю как обычно!
- Обычно ты два одинаковых туза из рукава не тянешь!
- Трефового еще не было!

Партию два лоботряса разыгрывали в морге, с ногами забравшись на анатомический стол и азартно хлопая по гладкой металлической поверхности изрядно потрепанными картами. Деньги – кучка мятых купюр – валялись тут же, придавленные бутылкой пива, к которой по очереди прикладывались парни. Записи, в силу простоты правил, не вели. Партия шла с переменным успехом, напрямую зависящим от личности сдающего, а потому периодически прерывалась недовольными воплями временно проигрывающей стороны.

- Был трефовый туз! У меня был!
- Врешь!
- Он вышел уже!
- Какой же дурак туза сбрасывает, брат Бизон?
- Он мне мешал!
- Тебе дурь твоя мешает!

– А теперь, уважаемые харьковчане и харьковчанки, прослушаем программу «В научный полдень», – хрипло произнес висящий на стене репродуктор. – В прошлый раз мы остановились на том, что современные принципы космического полета, основанные на инверсии торсионных пирамид внутри гипотетического шара, были изложены еще в работе Архимеда Помпейского «Классическое финикийское движение в вопросах и ответах»...

Бандера вытащил из кармана джинсов нераспечатанную колоду карт и ловко метнул ее в осмелившийся заголосить приемник. Тот обиженно закашлял, и передача оборвалась.

- Все равно ты шулер, брат Бандера!
- А ты кретин, брат Бизон!

Длинную стену морга занимал холодильник, прямоугольные дверцы которого высокомерно поблескивали в белом электрическом свете. Пятнадцать индивидуальных ячеек, расположенные в три ряда, и на каждой дверце – черная пластиковая коробочка электронного табло, на которой приятным зеленым цветом сообщалось о комфортной внутренней температуре. Пять столов, гладких и блестящих. Помимо них – пара каталог в углу, пара металлических

стульев и столики для инструментов. Одним словом, самый обыкновенный морг. Тем не менее существовала одна деталь, стабильно вызывающая удивление у впервые попавших в помещение людей. Деталь эта располагалась в углу и являла собой причудливую конструкцию, напоминающую сюрреалистическую помесь парового двигателя и самогонного аппарата. В основании устройства сплетались десятки медных трубочек, часть которых почему-то уходила в пол, а рядом стеклянные и металлические колбы, шестеренки, ременные передачи и тумблеры. Венчал же агрегат небольшой котел, из клапана которого изредка вырывалась тоненькая струйка пара.

Управлял хитроумным механизмом усатый мужчина лет пятидесяти на вид, одетый в рабочую спецовку когда-то бордового цвета. Поминутно изучая показания установленных на лицевой стороне машины термометров и манометров, мужчина то принимался подкручивать гаечки, прячущиеся в недрах агрегата, то переставлял в иные положения рычаги, а однажды добавил масло в какой-то узел, чем вызвал благодарное шипение насоса и дружелюбное бульканье в котле.

Одним словом, механик был по-настоящему занят, однако скандал заставил его отвлечься от конструкции:

– Вы можете играть тихо?

– Можем, – немедленно отозвался Бандера. – А зачем?

Картежники походили друг на друга исключительно поведением, длинными волосами и манерой одеваться. Оба предпочитали высокие баскетбольные кроссовки, широкие джинсы и запоминающиеся футболки: на груди Бандеры красовался шитый золотом неприличный жест, Бизон же остановил выбор на фразе: «Запустим вручную!» В остальном, несмотря на обращение «брат», ничего родственного в парнях не наблюдалось. Пухлый светловолосый Бандера был высок, широкоплеч и вял жестами. Волосы он вязал в хвост, а на округлом лице навсегда застыло выражение: «Как же вы меня достали». Низенький Бизон, напротив, был чересчур подвижен, если не сказать – суетлив. Казалось, он пребывал в постоянном движении, и взгляд его наглых синих глаз редко задерживался на чем-то дольше пяти секунд.

– Вы мешаете! – продолжил механик. – Орете громко.

– Инкубатор еще сильнее тарыхтит, – заметил Бизон.

– Вы мешаете мне, а не машине!

– Беруши вставь! – нахально предложил Бандера.

– Я тебе сейчас вставлю!

– Брат Черепаныч, прикинь, мы тут выяснили, Бандера – шулер! – Бизон попытался перевести разговор в другое русло. – Будешь свидетелем?

– Вы меня достали!

– Ты сам шулер!

– А ты меня за руку ловил?

– Я и так знаю!

– Обоих выгоню!

– В подвале у себя командовать будешь!

Ответить разозленный механик не успел. Скрипнула входная дверь, и в морг шагнул невысокий худощавый мужчина, одетый в растянутый серый свитер, весьма потертые голубые джинсы и выдавшие виды кроссовки. Услышав последнюю фразу, мужчина даже голову не повернул в сторону картежников, но безразличным тоном, каким бросают ничего не значащие замечания о погоде, произнес:

– Черепанычу мешать не надо.

Слова прозвучали приказом.

Удовлетворенный механик вернулся к машине, а парни сползли со стола и замерли, почтительно уставившись на прищельца.

На совершенно непримечательного пришельца.

Внешность мужчины была столь же невзрачна, как и одежда. Лицо узкое, с резкими чертами, напоминало птичье. Серые, словно подобранные в тон свитеру, глаза. Черные с проседью волосы, прямые и мягкие, неспособные надолго улечься в прическу. Тонкая горизонтальная полоска – рот. Тонкая вертикальная полоска – нос. И лишь с правой стороны шеи, бросая вызов обыденной внешности, чернела татуировка: простой крест, обрамленный идущей овалом надписью. При желании, подойдя совсем близко, можно было разобрать слова: «Caelum, non animum mutant, cui trans mare current».¹

Отпустив замечание, мужчина сделал еще пару шагов к механику, но затем остановился, повернулся к замершим картежникам и вопросительно поднял брови. В ответ Бандера сглотнул и очень вежливо сообщил:

– Мы просто разговаривали.

Бизон, который непостижимым образом успел прибрать со стола и спрятать деньги, карты и бутылку, присоединился к приятелю:

– Мы немного вспылили, но никого обидеть не хотели. А уж Черепанычу мешать – тем более. Вы ведь нас знаете, Карбид.

– В том-то и дело, что знаю, – хмыкнул мужчина.

Устройство оглушительно свистнуло и принялось пыхтеть с удвоенной энергией. Карбид посмотрел на часы, затем снова перевел взгляд на картежников.

– Какого черта явились?

– Заняли места в зрительном зале, – с приятной улыбкой ответил Бизон.

– Ждем, – добавил Бандера. – Такое шоу не каждый день показывают.

– Мы ведь всегда, везде, всем постоянно помогаем, – напомнил Бизон. – И с Инкубатором тоже. Ящик выдвинем, чтобы вам лично не возиться и руки не пачкать. С приездом поздравим. А то и реанимацию сделаем, ежели чего, вы ведь знаете – мы умеем.

– Хотел бы я посмотреть, как вы будете делать реанимацию, – хмыкнул Карбид.

– Только скажите на ком! – заулыбался Бизон, сообразив, что выгонять их невзрачный не собирается. – Хотите, я брата Бандеру реанимирую? Он все равно шулер, так что не жалко.

– Ты сам шулер!

Карбид приподнял левую бровь, и парни мгновенно умолкли.

– Сидите тихо, делайте что велят.

– Есть!

– Будет исполнено!

Бизон выудил из-под стола пару брезентовых рукавиц и натянул их. Бандера последовал его примеру.

Карбид покачал головой, дошел наконец до пыхтящего устройства и осведомился:

– Как дела, Черепаныч?

– Агрегат работает штатно, – доложил тот, поглядывая на манометр. – Тридцать секунд. Отсчет пошел.

Вопреки ожиданию, ЭТО не походило на падение. Но не было и полетом. Самое интересное, что ЭТО напоминало восхождение. Именно восхождение.

Виктор давно впитал в себя ощущение полета, сроднился с ним, полюбил. Как и ощущение почти мгновенного перемещения в пространстве, позволяющего дотянуться до любой звезды. Расстояние, как и время, потеряло смысл, осталось в прошлом, но ЭТО заставило вспомнить о них. Пробудило забытые воспоминания.

Расстояние и время.

¹ Небо, а не душу меняют бегущие за море (лат.).

Некогда, еще в прошлой жизни, Виктору довелось взбираться на высокую, считавшуюся неприступной гору, имея в качестве снаряжения лишь посох, моток веревки да неукрытое желание достичь вершины. Наверное, именно оно, желание, и позволило ему достичь цели. Ободрать лицо и руки, сломать ребро, но подняться наверх. И теперь, переживая то ли полет, то ли падение, Виктор неожиданно вспомнил то давнее восхождение. Вспомнил, как легко и непринужденно начиналось путешествие и как тяжело заканчивалось. С каким трудом давались ему последние шаги к вершине, последние метры, сантиметры... Вспомнил, как верил сначала в свои силы, а потом – в свое упрямство. Потому что в какой-то момент вперед его повели не подгибающиеся ноги, а стиснутые зубы.

Усилия и Упрямства, вот чего требовало от Виктора ЭТО.

Падение, сменившееся восхождением. Легкая прогулка, превратившаяся в испытание.

Необычно.

Восхитительно.

Виктор наслаждался каждым мгновением.

Наслаждался до тех пор, пока не пришла боль.

В первую секунду он растерялся.

И даже запаниковал.

Боль?!

Откуда боль?!

Виктор едва не повернул назад, едва не прервал восхождение, потребовавшее от него невероятных для последнего времени усилий. Он понял, что отвык стараться, отвык рвать жилы. Он едва не сдался. Но справился. Выдержал волну необъяснимой, непонятной, в принципе бессмысленной боли и в следующий миг понял, что это была не боль.

Не физическая боль. Ведь ей неоткуда было взяться.

Виктор понял, что теряет силу и вечность. Теряет сбывшуюся мечту. Сила и вечность, ставшие его сутью, уходили и на прощание дарили боль. Не физическую, но от того не менее страшную. Свободная «искра» противилась приближающейся тюрьме, инстинктивно сопротивлялась, скручивалась в жгут, пыталась вырваться, уйти. Хотела оказаться как можно дальше от вершины, на которую, падая, взбирался Виктор. «Искра» не хотела терять силу, даже часть ее. «Искра» не хотела расставаться с вечностью. «Искра» хотела быть сейчас и всегда. Звала назад.

Повернуть?

До вершины близко.

Или до дна пропасти?

Я падаю или поднимаюсь? Что я? Как я? Кем стану я, из Вечности вернувшийся в Мгновение? Из сейчас во вчера? Кем стану я?

Зачем я делаю это? Стоит ли падающее восхождение моих мучений?

«Искра» по имени Виктор не знала ответа на эти вопросы, и поэтому ей было страшно. «Искра» звала назад.

А Виктор, бывший «искрой», рвался вперед. К ответам на вопросы. К поиску. К жизни. Виктор, бывший «искрой», неожиданно понял, что теперь у него снова будет завтра, а не бесконечное сейчас. Дно, на которое он падал, вершина, на которую он взбирался... цель... вопрос поставлен просто: сейчас или завтра?

«Да», – прошептал Виктор, оставляя позади силу и вечность.

И закричал, потому что распахнул глаза.

А люди всегда кричат, когда впервые видят свет.

Бульканье в главном котле Инкубатора достигло апогея. Звук превратился в непрерывный шум, разноцветные жидкости в прозрачных колбах кипели, а стрелка манометра ушла

далеко вправо. Стоящий посреди помещения Карбид не спускал глаз с гремящей машины. Руки в карманах, плечи опущены, взгляд напряжен. Лохматые замерли у одного из холодильников: Бандера – держась за ручку, Бизон – в предвкушении потирая защищенные рукавицами руки. Ждут сигнала. Даже Черепаныч перестал суетиться, остановился у лицевой панели и что-то бормотал, глядя на манометр.

– Двадцать шесть, – прошептал Бизон. – Двадцать семь...

Моргнула и лопнула одна из ламп белого света. Осколки стекла посыпались на пол. Сразу после этого открылась дверь, и в морг вошел седой старик в траурном черном костюме и черной же рубашке. У его ног чинно вышагивал упитанный енот.

– Двадцать восемь...

Завибрировал здоровенный холодильник, показалось, даже поехал вперед, на лохматых, но только показалось – крепко прикрученный длинными болтами, он мог отправиться в путешествие только в компании несущей стены. Енот, обдумав происходящее, счел за благо укрыться под столом. Старик в черном, также проявив осторожность, остановился у самой двери.

– Двадцать девять...

Черепаныч, внимательно прислушивавшийся к издаваемому Инкубатором звуку, резко потянул на себя один из рычагов и рывкнул:

– Давай!

Клапан котла выплюнул особенно длинную струю пара, оставившую на потолке мокрый круг. Карбид глубоко вздохнул. Бандера рывком распахнул дверцу холодильника, Бизон схватился за ручки и молниеносно выдернул на свет его содержимое – прозрачный цилиндр красного стекла, венчаемый с двух сторон медными «подстаканниками», опутанными сетью медных же трубочек.

– Есть!

Внутри цилиндра, из которого медленно вытекал вязкий гель, корчился в конвульсиях обнаженный мужчина.

– Орет, – удовлетворенно пробормотал Бандера. – Значит, живой.

Толстые стенки цилиндра не пропускали звуки, однако мимика мужчины не оставляла сомнений в том, что он заходится в крике.

Енот вперевалочку подобрался к цилиндру, встал на задние лапы и стал с интересом изучать пришельца. Старик в черном подумал и тоже подошел ближе.

– В крике и в страданиях, – пробормотал Бизон, разглядывая мужчину, – приходим мы в этот мир.

Рот перекошен, глаза широко распахнуты, но взгляд невидящий. Безумный взгляд. Полный боли и тоски. Скрюченные пальцы царапают стекло, коленки бьют в гладкие стенки цилиндра.

– Операция прошла штатно, господин комендант, – официальным тоном доложил Черепаныч, отключая устройство. – Жидкость удалена. Напряжение отключено.

– Хорошая работа, – кивнул Карбид.

– Спасибо.

Пар больше не вырывался из котла, стрелка манометра медленно, но целеустремленно тащилась влево, ременные передачи крутились все тише и тише. Машина успокаивалась.

Тем временем Бизон, вооружившись внушительных размеров гаечным ключом, споро отвернул один из медных «подстаканников» цилиндра и резко выдвинул внутренний «поднос» с мужчиной. Слишком резко: продолжавший корчиться от боли мужчина потерял равновесие, упал на пол и закричал еще сильнее.

Енот порскнул к Инкубатору. Старик в черном потер переносицу. Карбид поморщился.

– Осторожнее, – прикрикнул Черепаныч. И бросил Бизону заранее приготовленную простыню.

Карбид достал пачку сигарет, щелчком выбил одну и закурил, невозмутимо глядя на происходящее.

– Господин старший помощник, как вы себя чувствуете? – заботливо поинтересовался Бандера, склоняясь к кричащему мужчине. – Господин старший помощник, вы говорить можете?

– Это вообще вы, господин старший помощник? – осведомился Бизон.

– А кто еще? – презрительно спросил Бандера.

– Ну, мало ли? Вдруг по ошибке чужая «искра» прилетела? – Бизон потрогал мужчину за плечо: – Господин старший помощник, вы пароль помните?

– Какой еще пароль? – недоуменно спросил Бандера.

– Не мешай! Я его на понт беру.

– Дубина ты, брат Бизон.

– На себя посмотри, брат Бандера.

Мужчина неуверенно поднялся на ноги, мутным взором оглядел старика в черном, Бизона, Бандеру, Черепаныча и наконец сфокусировал взгляд на Карбиде.

– Гкх... кх...

– Что вы сказали, господин старший помощник? – уточнил Бандера. – Вам холодно?

Вынырнувший откуда-то енот попытался потянуть за простыню, но был отогнан Бизоном.

– Как вы себя чувствуете, господин старший помощник?

– Гкх...

Мужчина оттолкнул поддерживающего его Бизона и неуверенным жестом расправил плечи, пытаясь принять горделивую позу. В сочетании с едва прикрывающей тело простыней и остатками геля на теле попытка выглядела комичной, однако присутствующие остались серьезны.

– Гкх... меня... гкх... Меня зовут... Виктор. Это значит – Победитель.

Слова давались мужчине с большим трудом, но он старался.

– Победитель, ясно, – негромко повторил Карбид. – Все ясно. А я – Герман, победитель. – Он выдохнул облако дыма, а потом вдруг лукаво прищурился, словно вспомнив какую-то шутку, и с улыбкой произнес: – Поздравляю с возвращением на Землю, Ясень.

Глава 1

Где-то капала вода. Не подтекала, выливаясь из прохудившейся трубы тоненькой струйкой, а именно капала.

Данс... данс... данс...

Не реже четырех, а то и пяти ударов в минуту.

Данс... данс... данс...

Капли получались тяжелыми, успевали набрать вес перед полетом, к тому же приземлялись на что-то дребезжащее, будто специально подложенное под трещину, и в результате каждый удар становился похожим на звук маленького гонга. А потому не «кап-кап», а именно...

Данс... данс... данс...

Раздражает.

В свое время Черепаныч искал утечку по всему зданию, уверяя, что вокруг дежурки труб нет, даже отопительных, а потому проблема прячется в другом месте. Переложил весь водопровод, нашел вмурованный в стену скелет и шкатулку с дукатами, на четыре месяца оставил Подстанцию без воды и тепла, но подлую трубу не нашел. Как капала, так и капает.

Данс... данс... данс...

С тех пор механик еще несколько раз брался за ремонт, но эти всплески активности напоминали контратаку обреченного на поражение боксера: Черепаныч не верил, что справится, и не справлялся.

А Карбида больше всего удивляло то, что капала вода не постоянно, а лишь в особые, редкие моменты, когда воздух в дежурке казался наэлектризованным, а звенящая тишина давила напряженной пустотой. Когда шорох уподоблялся грому небесному, а шепот – Божьему гласу, и где-то рядом...

Данс!

Где-то рядом что-то не справлялось с напряжением и начинало выдавливать из себя тяжелые капли.

Данс... данс... данс...

За тридцать земель или совсем неподалеку, в соседнем здании, врачи, или спасатели, или самые обыкновенные люди, прохожие, отчаянно боролись за чью-то жизнь. Кричали, ругались, подбадривали, вдыхали в чужой рот свой воздух, делились силой, били кулаками по грудной клетке, выжимали из легких воду, запрещая себе даже думать о том, что смерть может оказаться сильнее. Или же человек тихо угасал в одиночестве, кривился в сердечном припадке, рыдал от полученных ран, мешая сладкое красное с прозрачным соленым. Где-то боролась или страдала, цеплялась за жизнь или покорно принимала неизбежное находящаяся в равновесии «искра». И в эти мгновения дежурку Подстанции накрывала абсолютная тишина, которую нарушало только тяжелое:

Данс... данс... данс...

Не бывает простых операций. Эту нехитрую аксиому вам подтвердит любой хирург, любой врач. Даже элементарное удаление аппендицита способно обернуться непредсказуемым образом, чего уж говорить о более сложных и опасных вторжениях в человеческое тело: об операциях на мозге или сердце, печени или кишечнике...

– Ну, что, еще десять минут и будем зашивать.

– Похоже на то, – поддержал коллегу второй хирург. – Зажим, пожалуйста.

– Леша, собираешься куда на выходные?

– Еще не решил, Вагит.

– А варианты есть?

Хирурги разговаривали, не отвлекаясь от лежащего на столе пациента, не отрывая взгляды, не теряя концентрацию. Да, они чуть расслабились, потому что основная, самая сложная часть операции осталась позади, но именно чуть. Они были профессионалами и прекрасно знали, что следует оставаться в рабочем тоне до самого конца.

И в том, что произошло минутой позже, вины хирургов не было.

– Хочешь чего предложить?

– Да я думал шашлык на даче устроить.

– И баньку?

– А как же.

– Заманчиво...

– Вагит Рустемович! Сердце!

Возглас опытной медсестры на полсекунды опередил писк прибора. Организм пациента не выдержал.

Почему? Из-за чего? Сейчас не важно.

– Он уходит!

– Работаем, вашу ...!

Ярко освещенная комната, еще несколько секунд назад спокойная, тихая, превратилась в муравейник. Не было суеты, не было хаоса – каждая медсестра, каждый врач прекрасно знали, что они должны делать и как, и от этого сходство с муравейником только усиливалось. Точные движения, короткие приказы, еще более короткие ответы. Сосредоточенные лица.

И тонкая ровная линия на мониторе.

Он уходит.

Данс... данс... данс...

Когда-то грохот жирных капель безумно раздражал Германа, выводил из себя. Звук, появляющийся в моменты напряженной тишины, казался неуместным и неприличным. Карбид считал, что дребезжание оскорбляет, вносит нечто недостойное, а то и постыдное, в мрачное величие натянутых нервов. Однако шло время, и постепенно Герман осознал, что бесится зря. Капли не имели отношения к происходящему, не смеялись над причиной, вызвавшей мрачную тишину, они просто падали... проверяя на прочность тех, кто сидел в этой самой тишине.

– Что случилось? – спросил вошедший в дежурку Ясень. – Чего вызывал?

– «Непонятка», – негромко отозвался Карбид.

– «Непонятка» – это...

– Это когда не ясно, куда направится «искра», – прежним тоном объяснил Герман. – В этом случае, согласно инструкции, оба коменданта должны присутствовать на рабочем месте, с целью избежания и для предотвращения, так сказать.

Пару мгновений Виктор разглядывал сидящего за столом напарника, затем осторожно поинтересовался:

– Прикалываешься?

– Чуть-чуть, – честно ответил Карбид. – А что касается инструкции, то это истинная правда.

– Я уже понял, что по инструкциям ты действуешь только тогда, когда тебе это выгодно.

– Было бы странно, если бы я соблюдал инструкции, когда мне это невыгодно.

Ясень вздохнул, хмуро глядя на Германа, но промолчал, отвернулся.

И его взгляд – в какой уже раз за три последних дня! – цепко ощупал дежурку. Помещение, в котором ему придется провести изрядную часть ближайших ста лет.

В большой, площадью почти сорок квадратных метров, комнате были две двери: основная, которой пользовались все сотрудники, и как бы запасная. Как бы потому, что узенькая и низенькая дверка была заперта на амбарный замок и забита двумя досками, на которых сияла

выполненная красной краской надпись «Убью!». Многословная в своей элегантной краткости. Рядом с «запасным» ходом, в углу, возвышалась винтовая лестница черного металла, упирающаяся в блестящий люк. В его центре крепились современный электронный замок и ушко, из которого свисала на цепочке деревянная ручка. Следует добавить, что люк пребывал в режиме «Постоянно заперт», а на вопрос «Куда он ведет?» Герман что-то неразборчиво пробурчал себе под нос и сменил тему разговора.

В центре старого письменного стола с двумя тяжелыми тумбами гордо возвышалось облезлое полукресло – сейчас его занимал Карбид. Посетителям предлагались скрипящие венские стулья. Украшенную подозрительными пятнами столешницу делили арифмометр, механическая пишущая машинка, настольная лампа, пачка листов, несколько карандашей, чернильница и пресс-папье. Позади и чуть левее письменного стола к стене прижимался накрытый клетчатым пледом диван, над которым кривовато крепилась полочка с книгами.

Но все самое интересное, привлекающее взгляд любого посетителя, располагалось вдоль длинной стены дежурки. В двух ее углах стояли древняя радиолы в деревянном корпусе и громоздкий телеграфный аппарат на тумбочке, а между ними были развешаны часы с кукушкой, массивный морской барометр, тревожная лампа в металлической сетке и пять металлических шкафчиков в ряд. На черном, прямоугольном, сиял знак радиационной опасности, на следующем за ним квадратном, хромированном – знак биологической опасности, третий, с закругленными углами, мог похвастаться прикрученным саморезами дорожным треугольником «Прочие опасности», четвертый шкафчик какой-либо маркировки избежал; а замыкал последовательность синий почтовый ящик, поперек которого шла крупная надпись: «Не вынимается». Над шкафчиками висели слегка полинявшие плакаты: «Медицинский работник! Смело увеличивай показатели своего заведения!» и «Оборудование класса А не отключать ни при каких обстоятельствах!». В уголке первого черным маркером были нарисованы десять крестов, а ко второму от руки добавлено: «За питание долбить Черепаныча, пока не вырвет».

«Кто же обставлял дежурку?»

– У нас еще почетные грамоты есть, – не открывая глаз, сообщил Карбид. – Руки не доходят повесить.

– Грамоты от кого? – машинально спросил Ясень.

– От разных.

– Ясно.

Виктор уселся на диван – на стуле он оказался бы лицом к лицу с Германом, чего не хотелось, почесал в затылке и буркнул:

– Трубу починить надо.

– Надо, – согласился Карбид. – Черепанычу скажи. А то он, бездельник, только обещает.

– Вагит Рустемович, десять минут, – робко проговорила одна из медсестер.

– Работаем!

– Вагит, реанимация не помогает. – Алексей демонстративно снял маску. – Все.

Хирург тяжело посмотрел на остановившуюся команду, на пациента, на приборы, бесстрастно зафиксировавшие смерть, и совсем другим, не рабочим, не напряженным, а глухим тоном проигравшего спросил:

– Время?

Медсестра посмотрела на настенные часы:

– Шестнадцать десять.

– Укажите.

Вагит отвернулся и медленно вышел из операционной.

Просто сидеть, терпеливо ожидая результата, как это делал Карбид, у Ясеня не получалось. Пробыв на диване меньше минуты, Виктор вскочил на ноги и нервно прошелся по дежурке. Остановился у винтовой лестницы, развернулся, сделал еще пару кругов, а затем устоял на Германа.

– Какого черта Черепаныч не разберется с водой?

Карбид промолчал. Секунд двадцать Ясень пронзительно смотрел на напарника, а когда понял, что тот не собирается отвечать, поинтересовался:

– Чего молчишь?

– Не люблю зря языком трепать. – Герман достал из кармана пачку сигарет, закурил. – Когда прояснится, тогда поговорим.

Не удержался, выделил тоном слово «прояснится». Ясень чуть порозовел.

В отличие от блеклого Карбида, Виктор выбрал едва ли не идеальную внешность. Высокое, мускулистое, подтянутое тело, тип «Любитель яхт и верховой езды». Шелковистые каштановые волосы, высокий лоб, мужественное лицо... Одним словом, ходячее воплощение романтических женских грез. Одевался он соответственно, уделяв посещению лучших московских магазинов целый день.

– Дурная привычка, – холодно заметил Виктор, разглядывая курящего напарника.

– Молчать?

– Курить!

– Хочешь прочесть мне мораль?

Вопрос был задан спокойно, без вызова, Карбид просто попросил Ясеня обратить внимание на тон. Виктор понял. Покраснел еще больше, но вновь сдержался. Отвернулся, однако дальнейший разговор вел без прежнего нерва.

– Как мы узнаем, что действительно прошла «непонятка»?

– Они сообщат.

– Как?

Карбид кивнул на телеграфный аппарат. Ясень удивленно приподнял брови:

– Оно работает?

– Ага, – подтвердил Герман.

– Не врешь?

– Нет.

– Чтоб я лопнул! – Виктор оглядел древнюю конструкцию, после чего перечитал плакат и кисло осведомился: – И такую рухлядь вы называете «оборудованием класса А»?

– Как видишь.

– Оно же устарело лет сто назад!

– А мне с ним наперегонки не бегать, – усмехнулся Карбид. – Работает, и ладно. К тому же финансирование Подстанции постоянно урезают, говорят, инфляция. – Он аккуратно затушил окурок в пепельнице. – Да коррупция, едрить ее... будь неладна.

– Ходят слухи, что вы фонды пропиваете, – нейтрально сообщил Ясень.

– Слухи на пустом месте не рождаются, – вздохнул Герман.

Виктор кашлянул – такого ответа он не ожидал. То ли прямого, то ли издевательского.

– Но доказать сложно, – спокойно закончил Карбид.

– А пытались?

– Не-а... Всех пугает грандиозность проекта.

Ясень хотел было придумать что-нибудь уместное в ироническом ключе, но запищал мобильный.

– SMS!

– Поздравляю.

– Предлагают принять участие в акции... – Виктор выругался, но телефон не убрал. – Сколько прошло времени?

– Двенадцать минут.

– Они обалдели? Это же грубейшее нарушение!

– Считаются, – пожал плечами Герман. – Никто не хочет уступать.

– А у нас очередное чудо!

– Бюрократия. Такая же хрень, как и коррупция.

Ясень подозрительно посмотрел на Карбида.

– Тебе точно SMS не приходила?

– Я их всех как нежелательных абонентов пометил.

– Зачем?

– Чтобы SMS-ми не задолбали.

– Извини! – Виктор поднес к уху зазвонивший телефон: – Да! Я слушаю... – Разочарованно: – Вы ошиблись, здесь таких нет! Нет, я сказал!

И со злостью запихнул телефон в карман.

– Ошиблись, обычное дело, – прокомментировал Карбид.

– Не вовремя ошиблись, – уточнил Ясень.

– Как смогли.

Виктор сделал пару очередных шагов, после чего ткнул пальцем в телеграфный аппарат.

– Может, твоя тарактелка накрылась?

– Моя тарактелка нас с тобой переживет.

– Да ну?

– Ты уж мне поверь.

Спорить Ясень не рискнул. Зато на оживший телеграфный аппарат среагировал молниеносно: сделал резкий шаг вперед, протянул руку, но в то же мгновение замер. Повернул голову и посмотрел на Карбида.

– Спасибо, – улыбнулся тот.

Герман медленно поднялся на ноги, неспешно приблизился к стрекочущему аппарату и потянул бумажную ленту:

– Все правильно: «непонятка».

– Признали?

– Ага. И подтвердили.

– А чего так долго?

– Объясняться они не обязаны. – Карбид скомкал ленту и швырнул ее на пол. – Ни вашим, ни нашим, Ясень. – Помолчал. – Разочарован?

Вместо ответа Виктор демонстративно посмотрел на часы:

– Четырнадцать минут. Он не вернется.

– Вернется, – пообещал Герман. – Ручной Привод и не таких возвращал.

Карбид подошел к немаркированному шкафу, открыл его, повернув ручку на дверце, и посмотрел на спрятанный внутри рычаг.

– Черепаныч, слышал?

– Да, Карбид. У меня все готово.

– Ставлю на возврат.

Герман резко дернул рычаг, опустив его до предела вниз, и привычно поморщился, услышав хорошо знакомый скрежет.

И в этот миг что-то на Земле изменилось. Что-то важное, но незаметное. Бесценное и обычное. Вплелся в ткань новый рисунок, стало чуть светлее и...

Рука выскользнула из-под простыни, пальцы сжались в кулак.

Разжались.

Сжались снова.

В слабый, едва обозначенный кулак, но ведь не это главное. Не драться собирався владелец руки, не сжимать что-то. Он просто двигался. Он...

– Он жив! – Задержавшаяся в операционной медсестра выскочила из комнаты. – Вагит Рустемович, он жив!

Неотключенные еще приборы подали голос. Врачи бросились к столу:

– Работаем!!

– Четырнадцать минут... – Ясень покачал головой. – Плохо.

– Бюрократия, – повторил Карбид, закрывая немаркированный шкаф.

– У них бюрократия, а у нас нездоровые сенсации. – Виктор постучал указательным пальцем по символу биологической опасности: – Применялось?

– Желтой прессе никто не верит, так что на сенсации всем плевать. – Герман посмотрел на привлечший внимание напарника шкафчик, прищурился, припоминая, после чего покачал головой: – Локально.

– Когда?

– Было.

– Ух, ты! – У Ясеня вспыхнули глаза. – А...

– Журнал читай.

– Ну, расскажи! Жалко, что ли?

– Тараканов на Подстанции травили.

– Э-э... – Виктор понял, что продолжения не будет. – Ясно.

И чертыхнулся. Карбид хмыкнул. Ясень смутился еще больше и, подумав, продолжил прежнюю тему:

– Короче, эти воскрешения могут нам боком выйти.

– Напиши докладную.

– Пожалуй... – Виктор внимательно посмотрел на Германа. – А поможет?

– Нет.

– Там тоже всем плевать на желтую прессу?

– Ага.

Добро пожаловать в реальный мир. Где всем на всё и на всех плевать. И поэтому это «всё» катится куда попало как придется.

– Я не думал, что наши относятся к этому столь несерьезно.

– Гораздо серьезнее они относятся к делу «искр». Никто не хочет уступать.

– И как ты справляешься?

– Я не справляюсь. – Карбид снова закурил. – Я просто делаю свою работу.

* * *

– Ну, давай, давай, – бормотал Олег, лихорадочно нажимая на кнопки клавиатуры. – Теперь сюда... Прячься, придурок!

Тяжеловооруженный боец неся по лабиринту, отважно расстреливая попадающихся по дороге врагов. Монитор полыхал зарницами, колонки плевались перестрелкой и бодрой музыкой, тихонько подвывал DVD-привод. Очередная «стрелялка», один из последних уровней, и Олег, с детства обожающий подобные игры, был полон решимости пройти его в ближайшие двадцать минут.

Дождь за окном, делать нечего, почему бы не поиграть?

– Что, гады, попались?!

В колонках загрохотали выстрелы, забабхали разрывы гранат и слышались крики умерщвляемых врагов. На секунду даже показалось, что единственную комнату небольшой квартиры затянуло пороховым дымом. Лежащая на тахте Юля прикрыла ладонью микрофон телефонной трубки и попросила:

– Олег, сделай, пожалуйста, тише.

– Что?!

– Тише сделай!

– А... Сейчас!

– Олег!!

Однако девушке пришлось подождать, пока молодой человек не разнесет в пух и перья очередную толпу нарисованных злодеев – до этого он просто не мог оторвать пальцы от клавиатуры. Расправившись с врагами, довольный Олег поставил игрушку на паузу и, потянувшись, уменьшил громкость.

– Пожалуйста.

– Спасибо! – саркастически отозвалась Юля и вернулась к телефонному разговору: – Так когда, говоришь, это случилось? Сегодня днем? Да, очень интересно...

Олег побарабанил пальцами по столешнице, задумчиво глядя на монитор, однако продолжать игру не стал, дождался, когда Юля закончит разговор, после чего с улыбкой посмотрел на поджавшую губы девушку:

– Я немного увлекся.

Фраза прозвучала извинением. Которое, впрочем, не было принято.

– Ты постоянно увлекаешься!

– Согласен, бывает.

Юля, демонстрируя обиду, уткнулась в экран ноутбука. Олег помялся.

– Пожалуйста, не дуйся, я ведь не заметил, что тебе позвонили.

– Ты вообще ничего не замечаешь.

– Неправда. – Олег осторожно пристроился на краешек тахты.

– Даже меня!

– Я только на тебя и смотрю.

Он не обманывал подругу: худенькая девчонка с коротким каре каштановых волос давным-давно похитила сердце молодого человека. Выпуклый лобик, тонкий нос, чуть припухлые губы и большие васильковые глаза – Олег мог любоваться ею часами. И, как это обычно бывает, совершенно не понимал, что он в ней нашел? Почему другие девчонки вызывали лишь поверхностный интерес на ночь или месяц встреч, а Юлька прикипела к сердцу так, что не вырвешь? Почему она? Вечный вопрос любого мужчины.

– Извини.

Тишина. Девушка делала вид, что полностью поглощена текстом.

– Пожалуйста, извини... – Олег нежно погладил Юлю по ноге.

– Отстань!

– Юля, пожалуйста, не обижайся.

Ласковый голос и мягкие движения Олега постепенно сделали свое дело: мир был восстановлен, скреплен несколькими крепкими поцелуями, и...

Через некоторое время Олег и Юля в обнимку лежали на тахте, бездумно разглядывая потолок. Хотелось курить, но они давным-давно договорились не дымить в единственной комнате квартиры – оба не любили спать в прокуренном помещении.

– Кто звонил? – поинтересовался Олег.

– Ревнуешь?

– Просто интересно.

Однако такой ответ Юлю не устроил:

– А в принципе ревнуешь?

– В принципе, разумеется, ревную, – признался Олег.

Признался абсолютно серьезным тоном, ибо глупо сообщать женщине, что ты уверен в ней на сто процентов.

Юля поерзала, поудобнее устраиваясь в объятиях Олега, и ответила:

– Ольга звонила. Помнишь, Костик ее в клуб приводил?

Костика, двоюродного брата Юли, Олег знал хорошо, а вот образ его подружки из памяти выветрился.

– Костик вроде с Женей сейчас? – неуверенно протянул молодой человек.

– А раньше была Оля.

– Гм... возможно. – Олег зевнул. – Ты с ней до сих пор дружишь?

– Я ведь журналистка, – напомнила Юля.

– Будущая, – уточнил молодой человек, напоминая, что подруге еще предстоит окончить университет.

– Не важно. – Юля прищурилась. – А поскольку я журналистка, то должна везде искать источники информации. На будущее пригодится. Это аксиома, мой дорогой Ольгерд.

Девушка частенько переделывала имя молодого человека то ли на фэнтезийный, то ли на скандинавский манер. Иногда Олег поправлял подругу, иногда нет. Сегодня решил не обращать внимания, в конце концов, только-только помирились.

– То есть Ольга для тебя источник информации?

– Ага.

– И что за источник? Она секретарь президента?

– Ольга окончила медицинский и сейчас работает в Михайловской больнице.

– Крутой источник.

– Зря смеешься, между прочим. Во-первых, больницы – это в принципе кладезь информации, а такая известная, как Михайловская, – тем более. А во-вторых, Ольга уже сообщила мне интересный факт.

– Какой?

– Все тебе расскажи.

– Не хочешь – не надо, пойду еще пару монстров убью.

– Я тебе пойду! – Юля вздохнула и улыбнулась. Она и сама прекрасно знала, что не удержится, расскажет Олегу о том, что ее увлекло. – Одним словом, Ольга рассказала, что в Михайловской больнице самый высокий по стране процент возвращений после клинической смерти.

– Каких еще возвращений? – не понял молодой человек.

– После клинической смерти, – повторила Юля. – Пациент умирает на операционном столе или еще где-нибудь, спасти его не могут, записывают в покойники, а потом проходит некоторое время, и он воскресает.

– Такое бывает? – недоверчиво спросил Олег.

– Бывает.

– Я понимаю, что бывает все... – Молодой человек покрутил головой. – Но ведь без кислорода мозг умирает. То есть они возвращаются овощами?

– Нет, возвращаются нормальными, иначе кому это интересно? – Девушка почесала кончик носа. – После смерти есть сколько-то времени до того, как мозг погибнет, несколько минут, кажется... я спрошу у Ольги. Одним словом, такие ситуации случаются, а в Михайловской их больше всего. Я статистику видела.

– Ну и что?

– Это же интересно! Загадка! Почему так много возвращений в одной больнице?

Олег изобразил на лице скептическую гримасу.

– Где-то больше, где-то меньше. Если все так, как ты рассказала, то процент возвращений зависит исключительно от самих людей, в смысле от пациентов. Если врачи зафиксировали смерть, то воскреснуть могут только сильные люди с сильным организмом. Получается, в Михайловскую привозят крепких ребят.

– Если бы все зависело только от людей, не было бы такой статистики, – не согласилась Юля. – В Михайловской возвращаются на двадцать процентов больше, чем в среднем по стране. Прикинь, на двадцать процентов! Это аномалия!

– И ты хочешь ее исследовать?

– Ага.

Последний курс журфака, а что дальше? Родители Юли связей не имели, толстым кошельком похвастаться не могли, приходилось рассчитывать только на свои силы, а чтобы заметили, чтобы обратили внимание, помимо всего прочего нужно принести «в клюве» хороший материал. В издательствах и крупных телекомпаниях это любят.

– Я, конечно, мало чего в вашей кухне смыслю, – медленно произнес Олег. – Но мне кажется, что ничего интересного ты с этой мистикой не добьешься. Ну, воскресают, ну, многие воскресают, ну и что? Обычное дело: крепкие больные, хорошие врачи. К тому же, если я правильно помню, Михайловская рядом с большим парком находится, у реки, экология в том районе нормальная, даже несмотря на то, что центр, – вот и возвращаются пациенты. Опять же, люди рядом с Михайловской живут не бедные, им есть за чем возвращаться. Жить им нравится.

– А тебе не нравится?

– Мне... – Молодой человек пожал плечами. – Мне тоже хорошо. С тобой хорошо... Но ведь я говорю о тех, кто... там.

Девушка рассмеялась, но тут же приняла серьезный вид:

– Не доверяешь моему чутью?

– У тебя еще нет чутья.

– Хм... – Ссориться с Олегом по-настоящему Юле тоже не хотелось, а потому, подумав, она не стала протестовать против столь низкой оценки ее профессиональных способностей. Вместо этого игриво прижалась к другу и проворковала: – Что же мне тогда делать? Как найти хорошую работу?

– Придумай что-нибудь другое, – предложил молодой человек.

– Придется с кем-нибудь переспать.

– Правильно, – одобрил Олег. – Так надежнее.

– Так ты врал, что ревнуешь!

– Ревную, – признал молодой человек. – Но сейчас мы не о развлечениях говорим, а о бизнесе. А это совсем другое дело.

– Бестолочь!

Они любили подкалывать друг друга подобным образом, шутили, смеялись, но никогда не говорили в открытую, что сейчас – по крайней мере сейчас! – за этими словами ничего нет и быть не может. Сейчас они смотрели только друг на друга. И им это нравилось.

Олег поцеловал девушку в щеку и тихо сказал:

– Не жалеешь, что отказалась от предложения НТВ?

– Быть светским репортером? Нет, не для меня.

– Опыта набралась бы. Нужные знакомства завела.

– Нужно сразу штурмовать серьезные крепости, Олег. С хорошим материалом.

– Честно говоря, эти возвращения не кажутся мне серьезной темой.

Юля упрямо выпятила нижнюю губу:

– Посмотрим.

* * *

Фургон «Шевроле» с орегонскими номерами, цельнометаллический, темного цвета – словно взятый напрокат из дешевого голливудского боевика, – стоял у тротуара, напротив дверей навсегда закрытой прачечной. Двигатель машины тихонько урчал на холостом ходу, выплевывая тоненькую струйку выхлопа, однако свет был выключен, а «дворники», несмотря на довольно сильный дождь, не работали. И даже те двое, на передних сиденьях, переговаривались тихим шепотом, словно опасаясь привлечь к себе лишнее внимание прохожих.

– Погода как испортилась, а? Прямо на глазах, – пробормотал водитель. – А ведь еще утром жара дикая стояла.

– Нам же, мать твою, лучше, – с характерной техасской тягучестью отозвался второй. – Гребаных свидетелей не будет.

– А если клиент сегодня не появится?

Водитель, судя по всему, слегка нервничал.

– Как это не появится? – с легким пренебрежением пробурчал техасец. – Зря, что ли, мы его пасли целую неделю? – Он почесал указательным пальцем левую бровь. – Никуда, мать твою, клиент не денется: сорок минут назад закончилась смена, получается, с минуты на минуту будет здесь.

– А если в бар зайдет по дороге?

– Подождем лишний час и возьмем пьяным.

Водитель кивнул, отвернулся, провел рукой по рулю, однако успокоиться ему не удалось, уверенность, что сквозила в голосе техасца, на шофера не действовала.

– Хорошо, что он одинокий, да? Получается, никто не станет его искать до завтрашнего вечера.

Техасец покачал головой, но, верно оценив состояние напарника, смеяться над ним не стал: зачем дергать человека, с которым идешь на опасное дело? Лишь кивнул:

– Верно.

– Вот и я говорю, – оживился водитель. – А еще...

– Тихо!

В правом зеркале заднего вида, на которое периодически поглядывал техасец, появилась фигура мужчины.

– Он?

– Он.

– Лицо его помнишь?

На этот раз пренебрежения в голосе техасца было значительно больше:

– Разумеется, помню, мать твою.

– Ну, тогда...

– А он не спешит.

– Кто не спешит? – не понял водитель.

– Клиент не спешит, – прищурился техасец.

Остановившийся в нескольких шагах от фургона мужчина принялся раскуривать сигарету. Получалось у него не очень ловко, поскольку одновременно приходилось удерживать зонтик.

– Закуривает, – сообщил техасец.

– Остановился?

– Угу.

Водитель нервно погладил рулевое колесо.

– Может, он нас заметил?

– Даже если и заметил, что с того? Наш клиент – обычный, мать его, лох, живущий тихо и размеренно. Ему и в страшном сне не может присниться, что кто-то собирается его похитить.

– Тогда почему он остановился?

– Он чувствует, – объяснил техасец. – Они всегда чувствуют. Как быки перед бойней. Только быки, мать твою, понимают, а эти – нет. У быков, мать твою, инстинкты, а у этих – телевизор, пиво и мысль, что они никому на ... не нужны. Мысль, мать твою, правильная. Они с ней живут. Привыкают. Верят. И никогда, мать их, от нее не откажутся. У нашего лоха, мать его, небось мурашки по коже и внутри холодно. Ему бежать надо, а он стоит и ни черта не понимает. Сделает пару затяжек... – Мужчина шагнул вперед. Техасец усмехнулся. – И тупо пойдет на бойню.

– Он идет?

– Идет.

В тот момент, когда мужчина поравнялся с фургоном, техасец спокойно открыл свою дверцу – никаких резких движений! – и дружелюбно произнес:

– Извините, сэр, мы из службы доставки, немного заплутали в вашем районе, вы не подскажете дорогу?

– Дорогу куда? – осведомился мужчина.

– Тут у меня написано.

Техасец взял в руку лист бумаги, медленно вышел из кабины фургона и приблизился к мужчине.

– Кажется, какой-то «драйв», но почерк у нашего диспетчера тот еще! Как курица лапой!

– Дайте я посмотрю.

Мужчина сделал шаг вперед, и в этот момент техасец нанес классический «прямой встречный в голову», умело поймав жертву на движении. Мужчина даже не вскрикнул – нокаут, просто обмяк, начал оседать и рухнул бы на землю, не подхвати его техасец под мышки.

– Двери!

– Уже!

Боковая дверца съехала в сторону, и два бандита, дожидавшиеся своего часа в чреве фургона, ловко втащили тело внутрь.

Техасец подхватил упавший зонтик, закрыл его и вернулся в кабину. Водитель надавил на газ, «Шевроле» быстро отъехал от тротуара и через несколько мгновений растворился в дождливом вечере, оставив после себя лишь сигарету, медленно умирающую на мокром тротуаре.

* * *

Михайловской эту московскую больницу называли по старой памяти, в честь графа Михайлова, выстроившего общедоступную лечебницу еще в восемнадцатом веке и завещавшего потомкам поддерживать заведение вечно. Потомки, надо отдать им должное, волю предка соблюдали неукоснительно, до самого переворота не жалели денег на больницу, не приносящую им никакой выгоды, кроме благодарности простых людей. Но разве это мало – благодарность? Разве мало для нормального человека, который любит свою землю, свою страну и свой народ? Для того, кто чувствует себя их частью? Третьяков, Морозов, Михайлов... Они остались в памяти не только потому, что хотели остаться и стремились к этому, а потому, что делали то, что считали правильным. А когда не мыслишь себя вне страны и народа, совесть сама подскажет, что правильно, а что нет. Ибо совесть появляется, когда живешь не только ради себя.

После Октябрьского переворота, унесшего в небытие графов Михайловых, больница несколько раз меняла название. Сначала стала «городской № 3», затем – «им. тов. Нахамсона», который то ли лечился в ней, то ли командовал ею. Но тут получилась неувязка: тов. Нахамсон оказался плохим тов. То есть сначала он был тов. как тов. – зверствовал во время Граж-

данской войны не хуже других тов. За рвание получил высокую должность, ездил на длинном автомобиле, жил в отнятой у «эксплуататоров» квартире и украшал супругу отнятыми у «эксплуататоров» бриллиантами. Однако в какой-то момент врожденный флюгер тов. Нахамсона неправильно указал направление ветра, результатом чего стало звание «врага народа» (вполне заслуженное, учитывая «шалости» тов. Нахамсона во времена Гражданской), и больницу вновь пришлось переименовывать. Причем спешно. Ей выделили порядковый номер, однако в памяти народной больница навсегда осталась Михайловской, и даже через сто лет после исчезновения графского рода упрямые москвичи продолжали называть ее только так, и никак иначе.

Ольга предупредила Юлю, что пробиться на прием к главврачу окажется не простой задачей:

«Он у нас академик, еще советский академик. Искренне считает, что над ним только Господь Бог стоит».

«Все врачи так считают».

«В общем, да. Но над Иваном Алексеевичем действительно – только Бог».

Тем не менее в главный корпус подруга Юлю провела. Назвала этаж, на котором находился кабинет главврача, показала, где лифт, и ушла: «Дальше сама».

Сама так сама, не привыкать. Пусть профессионального опыта у Юли действительно маловато – тут Олег прав, – но как проникнуть к нужному человеку, девушка представляла. Умела войти без доклада, начать разговор так, чтобы не выгнали – нахальства и уверенности хватало. А вот над тем, как преодолеть главный барьер – секретаршу, нужно думать, ибо на эту должность настоящие, выросшие еще в советские времена, академики брали исключительно стерв. Понимали, что это их главная линия обороны, что только опытная секретарша способна с одного взгляда определить, следует ли пускать посетителя к небожителю или пусть со своим вопросом идет в какой-нибудь отдел. Собственно, именно по тому, кто сидит в приемной: длинноногая «Ниночка, сделайте кофе» или холодная «Валентина Петровна, посмотрите, пожалуйста, кто у нас следующий?» – можно сделать вывод о том, что из себя представляет хозяин кабинета. Секретарша главврача, по словам Ольги, являла собой идеал второго типа, защищала шефа, как Брестскую крепость, и преодолеть ее означало сделать даже не полдела, а девять десятых. Ибо наивный вид, который блестяще умела напускать на себя Юля, мог растопить сердце любого монстра, да и нравится дедам оказывать услуги молоденьким девочкам.

Но как пройти секретаршу?

И тут Юле сказочно повезло. Едва она подошла к дверям с табличкой «Приемная академик Митина И.А.», как из них вышла высокая полная женщина в строгом деловом костюме.

«Она!»

Женщина внимательно посмотрела на Юлю – примерно таким взглядом Зевс разглядывал копошащихся под Олимпом людишек – и осведомилась:

– Вы сюда?

– Нет, – пискнула сообразительная девушка. – Секретариат ищу.

– Новенькая?

– Стажировка.

– Прямо по коридору, третья дверь направо.

Не удостоив Юлю прощальным взглядом, женщина повернулась и царственной походкой направилась к уборной.

«Отлично!»

Юля дождалась, пока мегера скроется за дверями туалета, даже пару шагов сделала по направлению к секретариату, после чего проскользнула в приемную и, вежливо постучавшись, приоткрыла дверь в кабинет самого.

– Иван Алексеевич?

– Кто там еще?

Хозяин кабинета встретил девушку, сидя во главе монументального стола, раскинувшегося во всю длину далеко не маленькой комнаты. «Советский еще» академик оказался невысоким, кругленьким стариком, абсолютно лысым и ушастым, что делало его похожим на постаревшего Чебурашку. На Юлю он смотрел недовольно, но без раздражения – наличие во взгляде этой эмоции девушка умела улавливать мгновенно.

– Юлия Соболева, корреспондент. – Пока девушка дошла до кресла, она успела выбрать, а самое главное – натянуть на лицо подходящее случаю выражение: «Смелая девчушка № 2». – Добрый день, Иван Алексеевич.

И протянула руку. Причем ладонью вниз.

Академик замешкался, с сомнением разглядывая девичью руку, после чего вздохнул и поинтересовался:

– Вам назначено?

– Не припоминаю.

– Я тоже.

– Но ведь вы меня не выгоните, правда?

– Почему? – оживился Митин. – Я, знаете ли, человек занятой. Вот возьму и выгоню.

И даже пальцами пошевелил, демонстрируя, что не чурается физических упражнений.

– Раз я сумела к вам прорваться, вы должны признать поражение и уделить мне десять минут. Иначе получится нечестно.

Выражение лица Юли говорило о том, что она искренне верит в хороших людей, и отказать ей в такой малости, как десять минут, значит полностью перевернуть мировоззрение замечательной девчонки. Какой злодей способен на такую пакость?

– Вам говорили, что вы очень шустрая мамзель? – осведомился Митин.

– Да, Иван Алексеевич, – радостно подтвердила Юля.

– Вас не обманывали.

Академик привстал, элегантно поцеловал Юле руку, после чего вернулся в кресло и прохладно сообщил:

– Десять минут.

Хватка у этого Чебурашки была железной.

– Спасибо огромное, Иван Алексеевич!

– Время пошло.

Девушка расположилась напротив главврача.

– Иван Алексеевич, только вы способны ответить на вопрос, который мучает меня целый месяц.

– В вашем возрасте это срок, – кивнул Митин. – У меня, к примеру, есть вопрос, который мучает меня уже двадцать три года.

– Какой? – наострила уши Юля.

– Из тебя получится хороший журналист, шустрая мамзель, – рассмеялся академик. – Спрашивай, а то время закончится.

– У меня есть кое-какая статистика. – Юля положила перед главврачом лист с таблицей. – Обратите внимание на цифры. Показатели вашей больницы выделены красным маркером.

Несколько секунд Митин изучал распечатку, после чего поднял взгляд на девушку и пожал плечами.

– В чем вопрос?

– В вашей больнице чрезвычайно высокий процент возвратов.

– И о чем это говорит?

– Я всю голову сломала.

– Сочувствую, – улыбнулся академик. – Что-нибудь надумали?

– Ничего.

– Я не удивлен.

Юля проглотила иронию главврача. Продолжила внимательно смотреть Митину в глаза, показывая, что терпеливо ждет ответ. Академик развел руки.

– Юля, возможно, факт аномально высокого числа возвращений в моей больнице меня и заинтересовал бы, но есть одно «но»: здесь работают лучшие хирурги города. А возможно, я подчеркиваю: возможно, у меня работают лучшие врачи страны. – Митин откинулся на спинку кресла и довольно улыбнулся. – Поймите, шустрая мамзель, я потратил годы, чтобы собрать этих ребят. Одних вел с института, других сманивал... Я ведь команду здесь, понимаете, и я должен делать все, чтобы в моей больнице пациенты получали самое лучшее лечение. В этом смысл моей жизни, шустрая мамзель. Вам знакомо понятие: смысл жизни? – Ответа академик не ждал. – Ну, по крайней мере, вы его слышали. Так вот, я не хочу быть министром здравоохранения, понимаете? И советником президента по здравоохранению не хочу быть. Я уже академик. Я горжусь тем, что сделал. И еще я горжусь тем, что выше меня только звезды и Господь Бог. Потому что я здесь спасаю жизни. И делаю это, скажу без ложной скромности, неплохо. И не надо меня перебивать. Вы за интервью пришли или дискутировать? Дискутировать будете со сверстниками. А если вам нужно интервью, то слушайте.

– Я и хотела сказать, что у вас очень хорошо все получается, – пробормотала Юля.

– У меня в каждом отделении доктора наук и кандидаты. У меня любая медсестра в разы лучше и опытнее любого врача из районной поликлиники. И вы, шустрая мамзель, удивляетесь, что у нас частенько оживают пациенты? Это наша работа, вот и все. – Митин помолчал, давая возможность Юле усвоить сказанное, а потом, подумав, добавил: – Да и не воскрешения это вовсе.

– А что?

По выражению глаз академика девушка поняла, что время пропаганды закончилось и сейчас она услышит главную мысль. Слишком умен Митин, чтобы аномальная статистика прошла мимо его внимания. И убеждать самого себя в профессионализме врачей академик не будет, это для журналистов. Для себя Иван Алексеевич на этот вопрос уже ответил. И теперь не прочь поделиться им с «шустрой мамзелью».

– Когда до людей доходит, что мы не шутим, что на кону их жизнь... Вся их жизнь: прошлое, настоящее, будущее, всё, одним словом. Так вот, когда люди это понимают, то меняются кардинально. Зубами цепляются, лишь бы остаться. Лишь бы на солнышко еще раз посмотреть. Любовью заняться. На речку сбегать... Жажда жизни, она ведь в каждом из нас крепко сидит. И некоторым удается остаться. – Митин демонстративно посмотрел на часы. – Ваши десять минут истекли, шустрая мамзель.

– Спасибо, Иван Алексеевич.

– Не за что.

Юля поднялась.

– Иван Алексеевич, вы позволите мне походить по больнице?

– Зачем?

Девушка вздохнула:

– Ну, раз не получилось с возвращениями, попробую сделать материал для газеты.

«А может, еще чего разузнаю».

Спросила Юля потому, что разгуливать по территории просто так, – это одно, а если: «со стариком все согласовано», то это уже совсем другое.

– Пожалуйста, – пожал плечами Митин. – Хорошей прессе мы всегда рады.

* * *

В солнечную погоду посетители Михайловской больницы предпочитали встречаться с родственниками в парке. Одни оккупировали многочисленные скамейки, другие располагались прямо на траве, третьи прогуливались по дорожкам. Кто-то громко смеялся, кто-то тихо обсуждал последние новости, а некоторые молчали, держались за руки и молчали, поддерживая друг друга теплом прикосновений. Потому что этим некоторым говорить было не о чем.

Большая часть пациентов встречала посетителей на небольшой площади с веселым фонтаном, у главного, самого вместительного и современного корпуса больницы. По выходным здесь было особенно многолюдно, что делало площадь идеальным местом для злых каверз.

– Как тебе вон те?

Бандера указал на двух мужчин лет сорока, судя по всему – близнецов, компанию которых составляла пара женщин.

– Слишком серьезные, – покачал головой Бизон. – Не пройдет.

– Как скажешь.

Вышедшие на охоту парни специально привлекали к себе внимание толпящихся на площади людей. Задевали плечами, извинялись, улыбались... Бизон в докторском халате и шапочке, на шее стетоскоп, в руках – тонкая папка с украденным из регистратуры списком больных, Бандера в зеленых брюках и рубашке санитара, на первый взгляд – что может быть обыденнее для больничного двора? Однако спины обоих украшала крупная надпись: «Морг», которая заставляла окружающих коситься. В этом заключалась первая часть плана приятелей – показать надпись как можно большему числу людей. Пусть все видят, кто они такие.

– Как тебе эти?

Пожилая женщина опирается на трость и держится за руку взрослого мужчины, судя по всему – сыну.

– Дряхлая старушка пришла навестить такого же дряхлого мужа. Если у нее сердце не выдержит, Карбид нас с потрохами съест.

– А эти?

Женщина лет пятидесяти, тяжелый лоб, тяжелая челюсть – очень характерная внешность, подтверждающая теорию Дарвина. Отчаянно похожая на нее женщина лет тридцати с субтильным спутником примерно того же возраста.

Бизон внимательно изучил кандидатов и кивнул:

– Берем.

Бандера плотоядно улыбнулся.

Парни напустили на себя сосредоточенный вид и быстрым шагом подошли к жертвам.

– Добрый день, – сухо и мрачно произнес Бизон.

– Э-э... драсьте, – добавил Бандера.

– Добрый день, – настороженно отозвалась старшая женщина.

– Мы тут разыскиваем кое-кого, – печально продолжил Бизон. – Вы, извините, к кому пришли?

– К Поликарпову.

Бандера судорожно вздохнул. Женщина побледнела. Дочь вцепилась в руку мужа, тот поправил очки.

– Поликарпов... – Бизон углубился в списки.

– Вы нас искали?

– Вы господину Поликарпову жена? – участливо поинтересовался Бандера, не позволяя женщине мешать приятелю.

- Да.
- Зовут вас?
- Елена Сергеевна.
- Ох...
- Что?
- А меня Бандера. – Каверзник потряс похолодевшую руку женщины. – Будем знакомы.
- Что случилось?

Бандера вопросительно посмотрел на Бизона, но тот с увлечением просматривал список пациентов, беззвучно шевеля губами, и на вопрос не среагировал.

- А это дочка ваша, да?
- Елена Сергеевна машинально кивнула.
- Будет вам опорой и поддержкой, – резюмировал Бандера.
- Дочь закусила губу.
- Послушайте, мы...
- Поликарповых у нас несколько, – ободряюще произнес Бандера. – Крепитесь.

Елена Сергеевна побелела. У ее дочери увлажнились глаза. Очкарик принялся напускать на себя печальный вид. Но длиться пауза будет недолго, еще секунда – и оцепенение спадет, они взорвутся вопросами, возможно, всхлипами, то есть ситуация выйдет из-под контроля и приведет к непредсказуемым последствиям. Однако Бизон хорошо знал свою роль.

- Поликарпов Петр Геннадьевич? – поинтересовался он, не отрывая взгляд от списка.
- Да, – подтвердила женщина.
- Из второй хирургии?
- Да.
- Та-ак, – протянул Бизон.
- Неужели? – прошептал Бандера.
- Палата номер девять? – продолжал уточнять Бизон.
- На Елену Сергеевну было страшно смотреть.
- Да.

Щелчок авторучки прозвучал раскатом грома. Зять вздрогнул. Дочь прошептала нечто вроде «ах!», мать вскинула подбородок, готовясь с достоинством принять страшную весть.

Бизон аккуратно поставил галочку напротив какой-то фамилии, поднял взгляд на Елену Сергеевну и мило улыбнулся:

- У нас такой не числится.
- Женщина всхлипнула.
- Вот видите, все в порядке, Елена Сергеевна, – радостно завопил Бандера. – У нас все точно: или числится, или не числится. Ошибок не допускаем.
- Вы...

Трудно поверить, что тебя жестоко разыграли. Очень трудно. Тем более ни Бизон, ни Бандера не собирались задерживаться и давать жертвам время на размышление.

- Извините, нам пора.
- Счастливо оставаться!
- И растворились в толпе.
- Сволочи!
- Мерзавцы!

Но крики ударили в спины. Даже не в спины приятелей, а других людей, что сомкнулись, спрятав за собой каверзников.

- Ты видел, как бабуля побледнела?
- У мужика аж очки вспотели!
- А дочка? По-моему, она обрадовалась.

– С чего ты взял?

– Эй, вы, двое!

Лохматые остановились и одновременно обернулись. Кричал санитар, стоящий около подъехавшей к приемному покою кареты «Скорой помощи».

– Помогите!

– Мы торопимся, – махнул рукой Бандера. – Потом поможем.

– У меня все люди заняты!

– Ну и что?

– Других найди! Работящих!

Бандера заржал.

– Вы с «Малой Земли», я вас узнал. – Санитар набычился. – Если не поможете, расскажу вашему начальнику, что вы врачами прикидываетесь.

Бизон и Бандера переглянулись. Вмешательство Карбида в их планы не входило. Комендант, естественно, знал, что приятели далеко не ангелы, и допускал, что они изводят посетителей злыми шутками, но одно дело знать, и совсем иное – получить жалобу от сотрудника другого подразделения больницы. По всему выходило, что ссориться с некстати оказавшимся на пути санитаром не следовало.

– Так бы и сказал, что дело срочное.

– Мы ведь не поняли.

– Помочь всегда рады.

– Все-таки коллеги.

Продолжая болтать, приятели подошли к «Скорой помощи» и ловко извлекли из нее каталку.

– Ну и что тут у нас такого срочного?

– ДТП, – с видом знатока ответил Бизон, изучая перевязанную ногу лежащего на носилках мужчины. – Это ему дверцей вмазало. В смысле – в бокшибануло, а дверца – в него.

– Вы врач? – осведомился мужчина.

– А как вы думаете?

– Они не врачи, – перебил Бизона санитар. – Придуриваются.

– Можно подумать, ты всегда соблюдаешь правила!

– Я посетителей не пугаю.

– Мы тоже не пугаем, – не согласился Бандера. – Мы проверяем их чувства. Предвкушая трагические известия, родственники начинают искренне любить своих близких.

– Или искренне радоваться.

– Идиоты.

– Да уж, – согласился мужчина. – Кретины.

За разговорами каталку успели вкатить в подъезд, провезти по коридору, и теперь процессия встала у дверей смотровой.

– Может, мы и кретины, – задумчиво обронил Бизон, – но ты, умник, не жалец.

– Согласен, – кивнул Бандера.

Мужчина побледнел.

– У него нога сломана, грамотей! – прикрикнул на приятелей санитар.

– Да, придурки, у меня всего лишь нога сломана, – приободрился пострадавший в ДТП.

– У тебя нога сломана, а мы в морге работаем, понял? Раз сказали не жалец, значит, так оно и есть.

Бандера согласно кивнул.

– Вы еще большие идиоты, чем я думал, – буркнул санитар.

– На что спорим?

– Тысячу рублей ставлю!

– И я тысячу! – поддакнул мужчина.
– Договорились! – осклабился Бандера. – С нашей стороны, стало быть, две штуки.
– Только ты, мужик, деньги санитару сейчас отдай, – предложил Бизон. – С покойника ведь хрен свое получишь.
– Размечтались!

Стоящая у кофейного автомата Юля услышала последнюю, самую интересную часть разговора. Необычный спор заставил девушку повернуться и удивленно рассмотреть мужчин.

* * *

– Как тебе наш главный? – поинтересовалась Ольга.
– Крепенький старичок, – улыбнулась Юля.
Не ожидавшая столь короткого ответа, Ольга удивленно посмотрела на подругу:
– «Крепенький»? Это все, что ты можешь о нем сказать?
– Я плохо знаю вашего академика, – пожала плечами Юля. – И десятиминутное интервью ничего не изменило.

Подруги расположились на одной из лавочек в дальнем конце больничного парка, неподалеку от забора примыкающей к Михайловской подстанции «Скорой помощи». Сюда не часто забредали пациенты с родственниками, а потому девушки могли говорить и громко и свободно.

– Крепенький? Ха! Иван Алексеевич не крепенький, он железобетонный! Ему ведь еще в советские времена предлагали собственный институт возглавить, в министры звали, а он отказался. Для него больница – смысл жизни. – Горячность Ольги не оставляла сомнений в том, что в ее личном рейтинге Митин находится именно там, где ему хочется, – чуть ниже Бога. – Старик, конечно, мужик жесткий, в Михайловской у него порядок флотский, зато работает больница, как часы. И даже в девяностые работала так же, как в советские времена. Старик Михайловскую тянет, как бульдозер. Финансирование находит, фонды выбивает, врачей смаливает.

– Площади в аренду сдает, – язвительно добавила Юля. – И себя не забывает.
– А ты его деньги не считай, – буркнула Ольга. – А площади старик сдает только стома-тологам, потому что у нас такого отделения нет. И, между прочим, у всего персонала больницы там страховка.

– Прямо ангел.
– Нет, – после короткой паузы ответила Ольга. – Не ангел. Иван Алексеевич мужик очень жесткий, работать с ним тяжело. Но он честный, справедливый, и на первом месте у него дело. А дело такое: людей спасать. Поэтому ни одного дурного слова ты о старике не услышишь.

Потому что только умных, честных и принципиальных уважают все: и друзья, и враги, и подчиненные, и партнеры. Именно уважают, поскольку оно, уважение, появляется только там, где есть честь. Воры его вызвать не способны.

Юля помолчала, а затем примирительным тоном произнесла:

– Да я не на старика вашего материал собираю, помнишь?
Ольга вытащила из пачки тонкую сигарету, чиркнула зажигалкой и кивнула.
– Помню. – Затянулась. – Что он тебе сказал про возвращения?
– Да ничего не сказал, – призналась Юля. – Мол, для любой больницы это нормально, а для Михайловской вообще в порядке вещей, потому что она лучшая.
– Правильно сказал, – кивнула Ольга.

Как это обычно бывает, патриотизм лидера полностью передавался подчиненным. А спорить с человеком, влюбленным в свою работу, – бессмысленно. Остается или завидовать, или злиться.

Юля тоже закурила и поинтересовалась:

– У кого последний раз был случай возвращения?

– У доктора Халидова.

– Он хирург?

– Ага.

– Что о нем скажешь?

– Звезда, – невозмутимо ответила Ольга. – Не восходящая, а уже состоявшаяся. Врач от бога.

Еще один аргумент в пользу «теории случайности». Но...

– Возвращения бывали у разных врачей, – продолжила Ольга. – И не только в хирургии.

Как и говорил Митин: «цепляются».

«Всё? Идею можно выбрасывать?»

Юля стряхнула пепел и грустно произнесла:

– Похоже, я еще не научилась отыскивать действительно интересные темы.

– Придет со временем, – махнула рукой Ольга.

И в этот момент взгляд Юли уперся в небольшое строение, что выглядывало из-за плеча подруги. Возможно, девушка не обратила бы на домик внимания, но уж больно отличался он от остальных корпусов больницы. Двухэтажное бежевое здание явно дореволюционной постройки.

– А что это за дом?

– «Малая Земля», – обронила Ольга, всем своим видом давая понять, что эта тема такая же пустая и бесперспективная, как и возвращения.

Юля посмотрела на план – плакат висел напротив скамейки, и удивленно заметила:

– Ее нет на схеме.

– Ну и что? – Ольга сосредоточенно разглядывала кончик сигареты. – Старый корпус, сейчас почти не используется. Там котельная резервная, морг, склад вроде какой-то...

* * *

– Исполняя надлежащие инструкции, ЗПТ...

Телеграфный аппарат послушно застрекотал, однако стоящий около Карбид остался недоволен придуманным.

– Отменить.

Енот, вертевшийся у ног Германа, громко фыркнул и потянул на себя отмененную бумажную ленту. Стрекотание сменилось коротким шуршанием.

– Агава, хватит!

Ноль внимания. Карбид вздохнул и продолжил:

– Действуя в соответствии с инструкциями, ЗПТ...

Машинка прощелкала измененное сообщение и задумалась, ожидая продолжения.

– Отменить.

Вновь шуршание. Агава подхватил ворох черновиков и потащил добычу за диван.

– Гм... – Карбид почесал в затылке. – Проверка показала, ЗПТ, что автоматика сработала штатно. ТЧК. Сбой в распределении «искры» вызван естественными причинами. ТЧК. Возврат «искры» осуществлен включением Ручного Привода, ЗПТ, о чем произведена запись в журнале Подстанции. ТЧК. Капитан подводной лодки Сигизмунд Кузьев. ТЧК.

Ясень, который появился в дверях дежурки на последней фразе Карбида, хмыкнул:

– И у тебя принимают такие доклады?

– А куда им деваться? – Герман провел рукой по аппарату. – Других не будет.

– Не по форме.

Из-за дивана, пятясь, выбрался енот. Увидев Ясень, животное сначала удивилось, а затем, судя по всему вспомнив, что за мужик стоит в дверях дежурки, принялся с любопытством разглядывать стильные кожаные штиблеты старшего помощника. Издалека.

Ясень же состроил умильную физиономию и чуть наклонился:

– Агава, хочешь конфетку?

Енот подозрительно посмотрел на щедрого стилиста, подумал и все-таки подошел.

– А нету, – вздохнул Виктор. – Кончились. – Выпрямился и холодно сообщил коменданту: – Не по форме доклад.

– Мы не в армии.

– Все равно должен быть порядок.

Агава копошился в ногах, но обращать внимания на скотину Ясень не стал.

– Станешь комендантом, будешь струячить докладухи, как захочешь, – отрезал Карбид. – Хочешь – по правилам, хочешь – в трех томах.

– Не надо меня оскорблять.

– Да кому ты нужен? – Герман жестко посмотрел на напарника. – В журнале распишись.

Виктор шагнул вперед и споткнулся об енота. Агава протестующе пискнул, но убирать объемистую тушу с пути не стал.

– Это чудо у вас откуда?

– Две зимы назад прибилося.

Енот хрюкнул, после чего стремительно выскочил из дежурки. Ясень опустил глаза вниз и выругался: левый стильный штиблет украшало наглое пятно.

– Агава!

– За конфетой побежал, – язвительно хмыкнул Герман.

– Урод!

– Автограф поставь!

Виктор, косясь на изгаженные ботинки, подошел к столу, проверил запись, дату, после чего нацарапал внизу листа автограф.

– Это все?

– Да. – Карбид небрежно бросил журнал в ящик стола и направился к выходу. – Аврал окончен.

Оставшись один, Ясень медленно прошелся по дежурке, брезгливо потрогал пальцем пишущую машинку, поморщился, оглядев телеграфный аппарат, а затем быстрым шагом подошел к немаркированному шкафчику и резко повернул рукоять. Попытался повернуть – замок не поддался. Виктор выругался, попытался вновь – с тем же успехом, а затем услышал стук пишущей машинки. После секундного размышления Ясень оставил шкафчик и подошел к столу. На заправленном в машинку листе были напечатаны две фразы:

«Станешь комендантом, тогда и залезешь. Привыкай к порядку».

Барометр язвительно указывал «ясно». Виктор чертыхнулся.

* * *

«За что?! Почему?! Что я такого сделал?! Кто вы?!»

Мысли метались, путались, давили болью, заставляли потеть, холодеть. Заставляли губы дрожать, а руки – трястись. Непонимание происходящего, его невозможность, нереальность, бессмысленность порождали даже не страх – ужас.

– За что? Кто вы?!

«Вы допустили ошибку! Вам нужен не я! Вы ошиблись! Боже мой, вы чудовищно ошиблись! Я простой человек! Я ничего не знаю и ничего не видел! Отпустите меня, и я обо всем забуду!»

На глазах слезы. Рот кривится в жалком оскале.

– Отпустите!

Он очнулся в низеньком, но довольно большом помещении без окон. Грубые кирпичные стены, старая, обитая железом дверь. Подвал? Да, наверное, подвал. Идеальное место для того, чтобы запереть похищенного...

«Похищенного?!»

Мысль вызвала не удивление – оторопь.

«Кому я нужен?!»

– За меня не дадут выкуп! Эй, вы меня слышите? Я ничего не стою! У меня мизерная зарплата и просроченная закладная!

Но слова никуда не долетали, гибли, упираясь в кирпичные стены.

– Вы взяли не того парня! Я не бандит и не богач!

Тишина в ответ. Пустая, гнетущая тишина.

Это начинало злить. И зародившаяся в глубине души ярость принялась давить и страх, и ужас, и панику.

Он подошел к двери и ударил по ней ногой.

– Вы взяли не того парня, уроды! Вы взяли не того парня!!

За мучениями пленника наблюдали две видеокамеры. Искусно замаскированные объективы оставались незамеченными, но фиксировали все, что происходит в подвале, а потому два человека, мужчина и женщина, стоящие у монитора, видели каждое движение похищенного мужчины.

– Ты уверена, что нам нужен именно этот слабак? – хмуро спросил мужчина.

– Да.

– Он трясется от страха.

– А кто бы не трясся на его месте?

– Храбрец.

– Наш друг именно таков, Скотт, – мягким и очень уверенным тоном произнесла женщина. – Поверь.

– Пока не верю.

– Дай ему время.

Мужчина скептически покачал головой.

Он был высок и худ. Впалые щеки, заостренный нос, узкий и длинный подбородок – словно сошел с карикатуры на классического обитателя Новой Англии. Но при этом Скотт нес свой рост с достоинством, не сутулился, голову держал прямо, уверенно, всем своим видом показывая, что взгляды снизу вверх принимает как должное.

– Посмотри, он уже приходит в себя.

Пленник ударил ногой по двери.

– Истерика.

– Злость.

– Каждый видит то, что хочет.

– Ты мне не доверяешь?

Тон мягкий, однако Скотт уловил недовольные нотки: женщине не понравилось, что спутник осмелился раскритиковать ее выбор.

– Я предполагал, что донор окажется более... смелым.

Женщина оторвала взгляд от монитора и посмотрела на собеседника.

Холеная и очень красивая женщина.

Густые темные волосы стянуты в аккуратный пучок, выбивается лишь одна прядь, изредка падающая на лицо. Маленький нос, большие зеленые глаза, полные губы... кукольное личико? Отнюдь. Кукольность подразумевает некоторую мягкость, которая присутствовала у

женщины разве что в голосе. Тогда, когда она сама этого хотела. Лицо же – внешность взрослой, уверенной и сильной пантеры. Под стать и фигура: округлая, женственная, гибкая и грациозная.

Красивая и опасная.

– Первый взгляд часто бывает ошибочным, – с улыбкой произнесла женщина. – Все мы хотим казаться не такими, какие есть на самом деле.

Под насмешливым взглядом ее умных глаз Скотт смешался.

– Пандора, ты... Ты все-таки презираешь меня.

– После того, что ты сделал? И зная, что ты собираешься сделать? – Женщина покачала головой и нежно дотронулась рукой до плеча мужчины. – Нет, Гарри, я тебя не презираю. И то, что мне известно о твоей маленькой слабости, ничего не меняет. Она уже в прошлом. Скоро даже ты о ней забудешь.

– Я тебе верю.

– Тогда верь всему, что я делаю. – Пандора вновь посмотрела на монитор. – Это твой парень, Гарри. И он смел.

Мужчина вздохнул.

Странная штука – голова. Иногда такие вещи выкидывает, что хоть стой, хоть плачь.

Гарри Скотт считался человеком предельной смелости, отваги, граничащей с безрассудством. И считался не зря. В криминальном бизнесе храбрецом просто так не назовут. Но при этом, как бы странно это ни звучало, Скотт был весьма и весьма трусоват. Он отчаянно боялся темноты. Высоты. Воды. А пауки приводили его в ужас. И еще Скотт боялся за свою жизнь. Казалось бы – нормально, учитывая профессию, однако Гарри боялся панически, превращаясь в настоящего параноика. Целый комплекс фобий, которые, по всей видимости, компенсировали его смелость в делах. Скотт выбросил на психологов несколько сотен тысяч долларов, тайно лечился у лучших в мире специалистов, обращался к шаманам, колдунам, экстрасенсам, гипнотизерам – ничего не помогало. В конце концов Гарри решил, что навсегда останется трусом, что жизнь его, до самой смерти, будет иметь две стороны: яркуюлицевую и постыдную тайную, но встреча с Пандорой все изменила. У Скотта появилась возможность избавиться от фобий, и он с радостью ухватился за предложение таинственной женщины.

Пандора продолжала молчать, но за те несколько дней, что они провели вместе, Гарри сумел немного изучить женщину и понял, что она ждет извинений. Или хотя бы нечто, их напоминающее.

– Мне показалось, что парень не тянет на супермена, – выдавил из себя Скотт. – И то, что мы о нем уже знаем, подтверждает мои сомнения. Он хорек. – Гарри презрительно кивнул на монитор, по которому бегал пленник. – Маленький человечек.

– Далеко не каждому удастся развить свои способности, стать тем, кем должно. Найти свое настоящее место в мире. – Пандора протянула руку и пальцем коснулась фигуры пленника на экране. – В каждом из нас заложено очень много, но люди – рабы обстоятельств, воспитания, принципов. Рабы своего страха и чужого мнения. Жертвы нерешительности. А некоторые боятся даже того стержня, что есть у них внутри. Им кажется, он мешает жить. Требуется быть смелым, требует добиваться своего, а ведь это так некомфортно. – По губам Пандоры скользнула усмешка. Не презрительная, скорее грустная. – Наш донор, этот маленький человек, хорек, как ты его назвал, мог бы стать настоящим героем. У него были все задатки. Но он поплыл по течению, пошел туда, где проще, где не нужно рисковать, где можно просто жить. Он растворил свой стержень в кружке пива на ночь и футбольных матчах по телевизору... – Она вновь посмотрела на Скотта: – Ты его презираешь.

– Да, – жестко ответил Гарри.

– Правильно. Лучше презрение, чем жалость.

* * *

Заключительное интервью, конечно, если эти разговоры можно было назвать «интервью», Юля взяла у доктора Халидова, того самого, который оперировал последнего «воскрешшего» больного. Высокого импозантного брюнета Юля поймала, когда он шел к своему «Мерседесу» – помимо работы в больнице, которую хирург не желал оставлять, Халидов практиковал в крупном частном центре, а потому, мягко говоря, не бедствовал. Выслушав предложение дать интервью, доктор немного поразмыслил, посмотрел на часы – Юля уже поняла, что в Михайловской больнице бездельников не привлекают – и согласился «уделить прессе» четверть часа. Впрочем, как и во всех предыдущих случаях, ничем интересным диалог не закончился.

– Возвращения, конечно, редкость, однако для человека с медицинским образованием в них нет ничего загадочного. Организмы у нас, как ни крути, довольно мощные, приспособленные, и за жизнь они цепляются до последней возможности.

Ничего такого, чего бы не сказал Митин.

– То есть, если человек не пьет, не курит, занимается спортом...

– То он умрет с той же вероятностью, что и все остальные, – улыбнулся Халидов. – И не обязательно проживет дольше.

– Понимаю, – вздохнула девушка. – Кирпич на голову, Аннушка разлила масло...

– Не только, – покачал головой врач. – Не часто, заметьте – не часто, это уточнение очень важно, бывает так, что организм способен компенсировать и курение, и пьянство, и прочие излишества, позволяя человеку прожить очень долго. Как говорится, каждому хватает здоровья до конца жизни. Мы слишком разные, чтобы стричь всех под одну гребенку, но, по статистике, лучше все-таки воздержаться от вредных привычек.

– Получается, к вам в больницу часто привозят сильных людей?

– Получается, так.

– А вот Иван Алексеевич уверен, что причина многочисленных возвращений в профессионализме и опыте врачей.

– Команда у нас хорошая, и глупо отрицать, что этот факт влияет на интересующие вас события. – Корректный, спокойный ответ. Халидов, как и любой умный человек, умел быть неплохим дипломатом. – Поймите, Юля, возвращения – слишком сложный вопрос, чтобы на него можно было дать однозначный ответ. Иван Алексеевич прав. Я прав. А истина, скорее всего, в сочетании этих факторов. И, возможно, кое-каких еще.

– Каких?

– Полагаю, они не входят в мою компетенцию.

Ну, прямо «истина где-то рядом».

Хирург улыбнулся, попрощался, поднялся со скамейки и направился к своей машине. А окончательно погрузневшая Юля тяжело вздохнула и принялась бездумно перебирать разложенные на скамье «орудия производства»: блокнот, авторучка, диктофон, фотоаппарат...

Теперь девушка совсем иначе вспоминала слова Олега – «ерунда все это».

Ведь действительно ерунда!

Ну, статистика, ну, интересная статистика, но что из этого? Где есть статистика, там есть аномальные всплески. Так было и так будет. И нечего искать мистические ответы на житейские вопросы.

А даже если и не ерунда! Даже если за аномально высоким количеством возвращений что-то есть, то как это выяснить в больнице? Неужели главврач признается: «Да, шустрая мамзель, я старый колдун, и врачи мои колдуны. Мы умеем воскрешать мертвых. А по воскресеньям делаем это дважды за те же деньги». Нет, полная ерунда. Обычное совпадение. Здесь на

самом деле работают замечательные врачи, а привозят сюда крепких, жаждущих жить пациентов. Обычные люди, которые спасают других обычных людей. А тому, кто далек от медицины, кто не в состоянии отличить аппендикс от мозжечка, кажется, что он наблюдает за работой колдунов.

Юля рассеянно провела рукой по блокноту и вдруг услышала за спиной знакомые голоса. Или не знакомые? Она не знала этих людей, но явно слышала их сегодня. Слова обретали смысл, складывались в цепочку воспоминаний, и, поворачиваясь, девушка уже знала, кого увидит.

- Деньги принес?
- Сразу предупреждаем, что на расписку можешь не рассчитывать.
- Мы не бухгалтерия.
- А этот пень тебе штуку отдал или зажал?
- Мы предупреждали.

Санитар угрюмо оглядел Бизона и Бандеру – лохматые успели переодеться в серые спецовки кочегаров, – после чего вытащил из кармана две мятые пятисотрублевые купюры:

- Вот.
- Отлично! – осклабился Бизон, принимая деньги.
- Сразу видно честного человека.
- Другой бы ныть начал, мол, клиент откинулся, а я ничего не знаю, а этот деньги на

бочку, как положено.

- Жаль, что с одноногого бабки снять не успели.

Санитар скривился:

- Откуда вы знали?
- Знали что?
- Откуда вы знали, что он умрет? У него ведь только нога была сломана.
- А мы и не знали, – сдал назад хитрый Бизон. – Мы над ним прикололись. А теперь смотрим: ты идешь с похоронной рожей.

- И сразу все поняли, – перебил приятеля Бандера. – А с мужиком-то что случилось?

Бизон вопросительно поднял брови.

– У него, оказывается, от удара открылось внутреннее кровотечение, – неохотно ответил санитар. – На операцию повезли, да не довезли.

- Прикинь, как бывает: насморк подхватишь, а потом глядишь – коровье бешенство.

- Это у англичан коровье бешенство, а у остальных птичий грипп.

- Англичане умеют устроиться.

- И как же они устроились?

– Понятно, как. Все остальные кашляют, чихают, страдают, одним словом, перелетных птиц стреляют, курей топчут почем зря, а эти мозги себе разжижили и живут припеваючи. Мол, у нас бешенство, а потому взятки гладки.

- Ты идиот, брат Бандера.

- Я знаю, брат Бизон.

Санитар, слушавший диалог со все возрастающей злостью, не выдержал:

- Откуда вы знали, что мужик умрет?!

- Мы не знали!

- Мы просто в морге служим, брат санитар. Нам положено.

- Профильный случай.

И заулыбались.

- Вы там, на «Малой Земле», все с ума посходили.

- Давно уже.

– На том стоим!

Санитар направился к центральному корпусу, лохматые лоботрясы, оживленно переговариваясь на ходу, – к небольшому зданию, которое Ольга назвала «Малой Землей». Проводив их взглядом и проследив, как «братья» вошли в дверь, Юля взяла в руки диктофон.

«Это „Малая Земля“, – зазвучал голос Ольги. – Старый корпус, сейчас почти не используется. Там котельная резервная, морг, склад вроде какой-то...»

И еще люди, способные предсказать внезапную смерть пациента.

В больнице, лидирующей по числу возвращений.

Мысли еще не оформились в какое-то конкретное подозрение или версию. Юля действовала скорее инстинктивно, нежели по здравому размышлению. Просто все события сегодняшнего дня: разговоры с врачами, с Ольгой и подслушанный спор, – неожиданно сошлись для девушки в небольшом строении, спрятавшемся в глубине больничного парка.

Юля выключила диктофон, еще раз, очень внимательно, посмотрела на «Малую Землю». Старинный дом. Маленький, но очень аккуратный. Хотя и потрепанный. У подъезда стоит белый автомобиль, который девушка сначала приняла за медицинский. Теперь же, приглядевшись, Юля разобрала, что это белая «Победа». Старая машина – не под стать дому, конечно, но тоже далеко не современная, – выглядела блестяще во всех смыслах. Ухоженный вид, тонированные стекла, кажется – только сейчас из тюнинговой мастерской.

«Кто будет реставрировать древнюю тачку?»

Странно. Все это очень странно.

Тем временем дверь открылась, и на крыльцо вышел высокий темноволосый мужчина в костюме и галстуке. Юля прищурилась и потянулась за фотоаппаратом.

* * *

Всего три дня на Земле, а Виктор уже так устал от Подстанции, что готов был бежать куда угодно, лишь бы не оставаться рядом с Ручным Приводом на очередную ночь.

Осточертело.

Коридоры, комнаты, стены, люди... все осточертело. Впереди сто лет комендантской экспедиции, сто лет службы в этих коридорах, комнатах, с этими людьми, а значит, нужно отдыхать от них. Не позволять им давить на себя.

Первая ночь прошла интересно: возвращение на Землю, новое окружение, легендарная Подстанция, сотрудники, с которыми предстоит работать... Ясень жадно впитывал впечатления, допоздна засиделся за накрытым по случаю его появления столом и послушно отправился спать в указанную комнату.

На следующий день начались проблемы. Виктор узнал, что приобретением для него квартиры никто не занимался, и это несмотря на клятвенные уверения инструкторов, что апартаменты готовы и ждут его возвращения на Землю. Карбид отнесся к вопросам о недвижимости как к недоразумению и отправил Ясенья к Черепанычу. Механик долго чесал в затылке, после чего припомнил, что, кажется, давал задание Бизону с Бандерой. А может, и не давал. Бравые санитары-кочегары в свою очередь заявили, что конечно же не давал, но «ежели господину старшему помощнику угодно», они мигом организуют встречу с «надежным маклером, весьма положительно рекомендованным определенными кругами».

Пришлось, помимо путешествия по магазинам, посетить агентство недвижимости, в котором, получив солидный аванс, пообещали решить квартирный вопрос в кратчайшие сроки. В итоге вторую ночь Виктор также провел практически на рабочем месте. В компании с Карбидом, потому что все остальные законопослушно сваливали с Подстанции ровно в шесть вечера – если не было срочных дел, конечно.

Приобрести квартиру на следующий день тоже не удалось, и вечером Ясень отправился в клуб. Получилось гораздо веселее, а потому сегодня Виктор решил продолжить практическое изучение ночной московской жизни. Ровно в шесть он сообщил Герману, что «отправляется по личным делам», после чего вышел из здания и...

– Какая прикольная тачка!

Еще бы не прикольная!

Будучи в автосалоне и уже почти приобретя «Ауди Q7», Ясень неожиданно увидел белую, как отшлифованный айсберг, «Победу» и... влюбился. Клерки объяснили, что машину всего два дня назад пригнали из Германии, где ей перетянули сиденья, отделали дорогостоящим деревом салон, добавили современные устройства, самым простым из которых был медиакомплект с телевизором, сменили хромированные детали на позолоченные, поставили новый двигатель и заменили большую часть других систем. Фактически создали спортивный автомобиль в старом корпусе.

Машину, как выяснилось, делали по специальному заказу одного весьма не бедного мужчины. Процесс занял всего лишь год, но инженеры все равно не успели: за неделю до возвращения «Победы» домой заказчик скончался от сердечного приступа. Наследники папиной любви к старым авто не разделяли и выставили дорогую игрушку на продажу.

Ясень заплатил, не торгуясь.

– Это «Победа», да?

– Меня зовут Виктор, – немедленно среагировал Ясень. – Что означает – Победитель. И поэтому моя машина тоже называется «Победа».

– А я – Зина. – Девушка протянула тонкую руку. – Будем знакомы.

– С удовольствием.

Виктор улыбнулся и откровенным взглядом ошупал девчонку. Чуть вздернутый носик, серые глаза, пухлые щечки. Кудрявые светлые волосы, кажется, не крашенные, взбиты в замысловатую прическу. Фигура неплохая, не спортивная, но подтянутая. Длинная шея, узкие плечи, небольшая грудь...

«Кажется, я тебя уже видел...»

– Вы оформлялись у нас в секретариате.

«Точно!»

– Точно, милая Зина, вчера я у вас оформлялся... а сегодня собираюсь как следует изучать Москву.

– Музеи по вечерам закрыты, – заметила девушка.

– Музеи – последнее, что меня интересует.

– К тому же Москва большой город, в котором нелегко найти то, чего хочешь.

– Намекаете, что мне нужен проводник?

Девушка подняла брови, приглашая правильно продолжить фразу. Или не продолжить.

«Секретариат? Почему нет? Нужно заводить связи в больнице...»

Ясень обаятельно улыбнулся:

– Мне нужен проводник. Но у нее должна быть квартира, где мы сможем отдохнуть после путешествия.

Фраза прозвучала с элегантной наглостью.

Зина прищурилась:

– Не любите терять время?

– В настоящее время я бездомный, – признался Виктор. – И не могу себе позволить романтические встречи. У меня всего два варианта. Спать здесь. – Он кивнул на «Малую Землю». – Или...

– А гостиница?

– Я не люблю гостиницы.

Колебалась девушка недолго.

– Мне кажется, у вас только что появился отличный проводник.

– В таком случае, прошу. – Ясень галантно распахнул перед Зиной дверцу «Победы».

Глава 2

Прогулка на необычном автомобиле, ужин в одном из лучших московских клубов, танцы, звездопад эмоций... даже не пообещай Зина свою благосклонность, она вряд ли бы устояла.

Да и зачем?

Красивый вечер должен красиво заканчиваться, и Виктор постарался от души. В постели он не только оправдал самые смелые ожидания девушки, но и превзошел их. Он был не груб, но напорист, нежен, но по-мужски тверд, а еще – неумолим. Они приехали в квартиру Зины в два, и до пяти из спальни доносились лишь стоны, возгласы да скрип кровати. Четыре раза они вместе достигали вершины блаженства, и только после этого удовлетворенный, но отнюдь не вымотанный Ясень решил, что следует немного поспать.

Однако вернувшейся из душа Зине, наоборот, не спалось. Она устроилась рядом, положив голову на грудь Виктора, и, ласково поглаживая его кожу, негромко спросила:

– Поговорим?

Как и многим другим женщинам, ей казалось, что самый короткий путь к сердцу мужчины ведет через язык.

«Поговорить? Интересно, о чем?»

Однако окутавшая тело расслабленность сделала свое дело: Ясень вяло согласился поболтать с девчонкой.

– Полагаю, ты сгораешь от любопытства?

– Вся больница сгорает, – не стала скрывать Зина.

– Неужели?

– А ты как думал? – Девушка улыбнулась. – Всех интересует, почему такой красивый и богатый мужчина устроился работать в больничный морг?

«Имело смысл купить машину попроще...»

Карбид оказался прав, и это раздражало больше всего.

Виктор заложил свободную руку за голову – второй он обнимал Зину – и спокойно ответил:

– Я работаю по специальности. Я врач, и мне моя профессия нравится.

– Шутишь?

– Нисколько.

– Тебе нравится вскрывать трупы?

«Черт!» Ясень совсем забыл, что числится патологоанатомом резервного морга Михайловской больницы.

«М-да... объяснение вышло так себе».

– Ты не шутишь, – поняла девушка. – Ты мне врешь.

– Тебя это беспокоит?

– Меня – нет. Но приготовься к тому, что о тебе будут ходить самые невероятные слухи.

«Два раза черт!» Девчонка указала на проблему, о которой Ясень даже не задумывался. Как он выглядит со стороны? Кем его считают? Что о нем говорят? Карбид и остальные сотрудники Подстанции сидят в Михайловской уже давно, вжились в коллектив, примелькались, и их некоторая отстраненность воспринимается естественно. К тому же никто из сотрудников не выделяется из толпы: в больницу приезжают на метро, одеваются в дешевых магазинах или на вещевых рынках, изредка одалживают у коллег мелкие суммы «до полочки». Виктор уже знал, что личная жизнь Бизона и Бандеры не столь примитивна, в свободное время парни отрывались от души – одна только афера со строительством моста через Боденское озеро чего стоит! – но – втихара. На виду лохматые приятели выглядели рядовыми неудачниками.

«А я повел себя, как идиот!»

В действительности же, Ясень поступил нормально. Ему нравилась красивая жизнь, у него была возможность ее вести, и Виктор не собирался ни от чего отказываться. В конце концов, Победитель он или кто?

– Понимаешь, Зина, у меня сейчас непростое время, – искренне произнес Ясень. – Я долго вел себя неправильно и теперь должен отдать кое-какие долги. Морального плана. У меня был сложный разговор...

– С кем?

– С отцом, – уточнил Виктор, припомнив подробности легенды. – И в результате этого разговора мне пришлось вернуться к моей... гм... профессии.

– Надолго?

– Сроки мы не уточняли.

Ясень не сомневался, что завтра его откровения будет обсуждать вся больница, и решил, что бросил сплетникам подходящую кость.

– Как говорится, если хочешь высоко прыгнуть, сначала нужно низко присесть.

– А ты собираешься высоко прыгать?

– Очень высоко, – задумчиво ответил Виктор.

«Правда, к вашим земным делам мой прыжок не имеет никакого отношения. А вот в Царстве...»

В Царстве послужной список, украшенный отметкой о превосходном исполнении комендантской экспедиции на Ручной Привод, откроет перед ним новые перспективы. Так говорили все важные шишки, с которыми Ясеню довелось общаться.

– И как тебе у нас? Наверное, тяжело работать обычным врачом?

– Я не обычный, – поправил девушку Виктор. – Я заведу моргом, и у меня в подчинении два санитара. Которых я завтра буду учить уму-разуму...

И улыбнулся:

«Действительно, пора строить сотрудников!»

* * *

Что есть ты?

Твоя «искра».

Что есть твоя «искра»?

Ты.

Твоя память и твое будущее. Твоя радость и твоя боль. Твоя сила и... и твоя сила.

Ты силен, когда приходишь в мир. Силен настолько, что понимание собственной мощи ускользает, оставляя лишь отголосок и желания. Ты способен почти на все, но не всегда поднимаешься, ибо сила – это не только готовность к свершениям, но и превосходство над слабостью.

«Искра» сильна, но на Земле она лишь звезда, что сияет в тебе, огонь в глазах и твердый голос. И от тебя, только от тебя, зависит, какой станет твоя «искра», куда она тебя приведет.

Каждый из нас уникален, каждый проходит свой путь, принимает свое решение на своих перекрестках. Каждый из нас создает свою «искру». Лепит Галатею из глины, данной ему при рождении, отсекает лишнее от куска мрамора. Твоя «искра» – твоя глина, а потом – твоя Галатея. Она есть ты, ты есть она.

Но так же, как можно отрезать голову мраморной статуе, так же некоторые люди обладают редчайшим даром менять «искры», вынимать из твоего произведения куски глины и передавать их другим людям, вставлять в чужие скульптуры. Необыкновенно красивый дар, похожий на талант великого художника, – создание новой картины. Страшный дар, ибо исковерканная «искра» донора погибает безвозвратно.

Таких умельцев во Вселенной называют «резчиками».

– Крови не будет?

Скотт задал вопрос в четвертый раз. И в третий – за последние пятнадцать минут.

Нервничает. Нервничает и не стесняется этого показывать, потому что нет рядом подчиненных, а есть только Пандора, которая видит его насквозь. При ней можно не играть в бесстрашного ковбоя, не тратить силы на подавление рвущихся изнутри фобий, а быть самим собой, быть таким, каков есть. Быть трусом.

Пока – трусом.

– Ты уже спрашивал о крови, – ровно отозвалась женщина.

– Мне не трудно задать вопрос еще раз.

Не трудно, потому что не хочется молчать. Потому что тишина, в которой Пандора без суеты, но быстро готовилась к ритуалу, давила сильнее, чем раскаты тропического грома.

И опять чертовое противоречие: Скотт не боялся крови, он боялся ее вида.

– Ответишь?

Ему нужно было услышать ее голос.

– Крови не будет, – негромко пообещала Пандора.

– Это хорошо.

Они находились в том самом подвале, по которому метался пленник, однако теперь донор потерял последние остатки свободы: незадолго до появления Скотта и Пандоры двое громил заткнули ему рот и крепко привязали к стулу, ножки которого привернули к полу в центре комнаты. Затем женщина расставила в углах четыре маленькие жаровни – в них курилась травка, наполняя помещение сладковатым ароматом, после чего аккуратно нарисовала вокруг стула пентаграмму. Скотт занял позицию неподалеку от двери, стоял, прислонившись плечом к стене, и пристально наблюдал за Пандорой, продолжающей наносить на пол и стены подвала магические символы. Некоторые из них Гарри доводилось видеть в голливудских фильмах. И, наверное, он сильно удивился бы, узнав, что никакой необходимости в подобного рода подготовке не было. Ни пентаграмма, ни знаки, ни тем более благовонная травка – ни один из этих ингредиентов не оказывал никакого влияния на задуманную Пандорой операцию. В них не было силы. Ни в надписях, ни в траве. Никакой силы. Зато настроение они создавали самое что ни на есть подходящее: Скотт дергался, нервничал, его «искра» пребывала в беспокойстве, и ее естественная защита ослабевала.

– Тебе сюда. – Закончившая чертить Пандора выпрямилась и указала Гарри на стул, стоящий в шаге от пленника.

– Да, я знаю.

Скотт пытался справиться с последними сомнениями. Не с теми, которые: «А нужно ли тебе это?» Ответ на этот вопрос Гарри знал: «Нужно!» Другое дело: «Насколько ритуал опасен для меня?» Многочисленные фобии призывали Гарри бежать из опасного подвала и не поддаваться на уговоры. «Она врёт! Она хочет твоей крови!» Единственная дверь – металлическая, укрепленная – заперта изнутри, а видеокамеры отключены. Пандора заранее предупредила Скотта, что главный ритуал увидят только они, никаких свидетелей не будет, но лишь теперь Гарри понял, что это означает: он наедине с ведьмой.

– Ты идешь?

Пандора улыбалась.

«Сука!»

Наибольшее унижение для мужчины – демонстрация слабости, страха женщине. Или при женщине. Это противно самой сути тех, кто с самого Начала рождается охотником и воином. В конце концов, это просто противно. Но что делать? Проклятые фобии не давали Скотту оттолкнуться от стены, не позволяли сделать шаг. Проклятые фобии заставляли Гарри по третьему и четвертому разу задавать дурацкие вопросы.

– Мне будет больно?

– Да. – Пандора не скрывала от Скотта деталей.

«Мне будет больно! Меня будет рвать на куски! Я умру!»

На лбу выступила испарина. Дым благовоний бил в нос, магические символы расплывались, превращались в один огромный знак беды. Ведьма казалась монстром, ведущим его на жертвенный алтарь. Давил потолок, стискивая холод внутри тела. И посреди этого ужаса, в самом его центре – она. Спокойная, уверенная, опасная.

– Мне будет очень больно?

– Нет, скорее неприятно.

Скотт закусил губу.

– Но не так неприятно, как тебе сейчас.

Пандора знала, что Гарри стыдно, прекрасно понимала, что творится на душе у сильного, и в то же время – слабого, мужчины. Но что ему толку от ее знания? Скотт получил толчок, еще больше разозлился на себя, но...

Но он еще не изменился.

– Расскажи, как это будет.

«Опять».

Пандора знала, что Гарри на грани, что он способен убежать из подвала, отменить все и в этом случае его невозможно будет вновь уговорить на ритуал, а потому начала свою речь предельно мягко:

– Будет казаться, что тебя распирает изнутри и, одновременно, что сдавливает огромными тисками. Тебе покажется, что ты уменьшаешься и, одновременно, что ты взорвался и разлетелся в стороны. Эти ощущения будут длиться меньше десяти секунд – именно столько времени потребуется на главную часть ритуала, но тебе покажется, что прошла вечность.

– Ты меня пугаешь?

– Нет. Я честна с тобой.

– А моя жизнь?

– Ей ничего не угрожает.

Он верил каждому слову женщины, но никак не мог решиться. Ведь это так сложно – глубоко вздохнуть и сказать:

– Я готов.

Как в омут.

Скотт оттолкнулся от стены и быстро, пока предательски дрожащие ноги не понесли его к двери, добрался до стула.

– Скорее!

Пандора схватила скотч и торопливо примотала Гарри к стулу. Затем спокойно и аккуратно завершила укрепление пут, затратив почти весь рулон липкой ленты, встала между мужчинами, положив ладони на их лбы, и закрыла глаза.

– Пандора, – прошептал Скотт.

– Что?

– Я боюсь.

– Запомни это чувство, – тихо сказала женщина. – Больше оно к тебе не вернется.

Гарри вновь вздохнул и закрыл глаза. Пленник замычал. Но что толку в мычании?

– Именем Неназываемого! – громко произнесла Пандора. – Именем великого правителя Вечности! Именем темной Бездны!

Придуманное ею заклинание не относилось к какой-либо конкретной мистической школе, зато звучало красиво и внушительно. Заученные слова, вылетающие с заученной интонацией, накрывали помещение бессмысленной в своей эклектике вязью звуков, и эта механи-

ческая работа не отвлекала Пандору от основного ее занятия, от работы над «искрами» сидящих в подвале мужчин.

От раскаленных звездочек, сияющих внутри каждого. От чуда, которое с нами всю жизнь. От чуда, которое можно изменить.

И от охватившего ее наслаждения. От чувственного, почти физического удовольствия погружения в чужие «искры». В чужое «Я». Талант «резчика» позволял вскрывать самые таинственные, самые загадочные во всей Вселенной субстанции. Почти бессмертные. Почти всемогущие. И мало какой «резчик» не ощущал себя богом. По крайней мере, во время работы. Никто из них не мог сдержать возбуждения, и Пандора не была исключением. Руки ее, окутанные светом, дрожали, губы подрагивали, на верхней выступили капельки пота, а по всему телу растекалось тепло.

И фоном для работы была дерзкая, но от того еще более восхитительная мысль:

«Я равна Ему!»

* * *

– Осваивайтесь, господин старший помощник.

– У нас от начальства секретов нет, правда, брат Бизон?

– Правда, брат Бандера: все покажем, все расскажем. И абсолютно бесплатно.

– То есть – не за деньги.

– А ежели что непонятно будет или незнакомо, допустим, – вы спрашивайте, не стесняйтесь, мы любую загогулину объяснить можем.

– Не зря ведь семьдесят три года здесь мотаем.

– Семь месяцев и восемь дней.

– Не восемь, а девять, – поправил приятеля Бизон.

– Восемь. Я в календарике дырочки прокалываю.

– Дырочку проколоть и дурак может, брат Бандера. А вот арифметика не всякому дается.

– Ты на что намекаешь, брат Бизон? – ошетинился белобрысый.

– Хватит пререкайся! – Прикрикнул Ясень, которого начала утомлять болтовня кочегаров. Или санитаров? Или кем они были на самом деле? Бизон и Бандера выполняли на Подстанции черную работу, по мелочам помогали всем сотрудникам, а заодно вносили в жизнь сотрудников приятное разнообразие в виде визитов представителей власти, взволнованных мужей и беременных девиц. Для чего раздолбаев прислали на Землю, Виктор не понимал, по всему выходило: только ради того, чтобы заполнить положенные по штатному расписанию единицы.

– Есть, господин старший помощник! – молодежато выдал Бизон.

– Будет исполнено, господин старший помощник! – поддержал приятеля Бандера.

– Но сначала позвольте подарочек вам преподнести. – Бизон извлек из объемистого кармана спецовки аккуратно запечатанный сверток, перевязанный игривым розовым бантиком. – С почином, так сказать.

– Подарок? – Ясень разорвал обертку и недоуменно уставился на кожаную записную книжку.

– Очень удобно коллекционировать телефоны, – осклабился Бандера.

«Они видели меня с Зиной, – понял Виктор. – Издеваются? Вряд ли. Просто шутят».

– Спасибо, ребята, но я предпочитаю коммуникатор.

– Как прикажете, господин старший помощник! – хором гаркнули приятели.

Ясень поморщился.

Перед лицом начальства, то есть перед его, Ясеновой, физиономией, лохматые держались почтительно, если не сказать угодливо, однако Виктора не покидало ощущение, что с ним играют. Подчеркнутое раболепие и чрезмерная услужливость приятелей казались делаными.

Ясень провел в кочегарке меньше пяти минут, а уже успел устать от лохматых так, будто они надоедали ему полдня.

«Ребята хотят, чтобы я ушел. Интересно, им Карбид приказал меня достать или по собственной инициативе?»

Виктор раскрыл папку:

– Значит, вы...

– Наше дело, как вы, наверное, знаете, господин старший помощник, маленькое, – мягко перебил начальство Бизон.

– Мы на Подстанции тепло качаем, – вставил Бандера.

– Ну и людишек жжем, – белозубо улыбнулся Бизон. – Не без этого.

Его ясные, синие и беспробудно наглые глаза вызывали у Виктора тихое раздражение.

– Не часто, конечно, жжем, потому что в больнице новый крематорий открыли, но случается.

– Когда у них профилактика, к примеру, или клиентов много.

– Трудиться мы не любим, чего греха таить, но без работы, опять же, скучно. У нас как раз клиент на подходе греется, желаете посмотреть на процедуру?

– Желаю, – пробурчал Ясень, желая в первую очередь остановить слаженное словоблудие приятелей.

– Так и знал, что заинтересуетесь, господин старший помощник.

– И давайте без чинов, – приказал Виктор. – Нам с вами еще работать и работать, а это «господин старший помощник» меня уже задолбало.

Ясень умел интуитивно выбирать правильную линию поведения, зачастую – вопреки очевидным фактам, и крайне редко ошибался. Если уж вылетело «без чинов», значит, так надо.

– Как скажете, госпо... Извините.

Бизон отвесил напарнику подзатыльник и заржал:

– Договорились, господин старший помощник. Желаете без чинов – будет без чинов. Мы, господин старший помощник, с пониманием.

Похоже, лохматые не оценили жест доброй воли.

– Хватит придуриваться.

– Мы, господин старший помощник, робеем в присутствии. Привыкнуть надобно.

– Но ежели прикажете, станем вести себя умно.

– А получится? – недоверчиво осведомился Виктор.

– Мы постараемся.

– В таком случае, приказываю постараться.

– Есть!

– Будем стараться!

Ясень с трудом не дал вырваться изнутри грубому ругательству.

Его предупреждали, что сотрудники Подстанции – ребята со странностями, но Виктор не предполагал, что все окажется настолько плохо. Дисциплиной, судя по всему, на Подстанции и не пахло. Всем придуманным человечеством формам власти Карбид предпочитал изредка управляемую анархию, что вполне устраивало остальных. Народ явно разболтался, оборзел, и справиться с ним будет крайне сложно.

Не таким, ох, не таким, представлял Ясень место новой работы. С другой стороны, тем интереснее будет привести Подстанцию и ее обитателей в соответствие своим требованиям.

– Так что у вас?

– Клиент греется.

– Показывайте.

Кочегарка представляла собой совмещенную с крематорием котельную. Находилась она на цокольном этаже Подстанции и выглядела как обычная котельная, совмещенная с крема-

торием. Огромная печь – главное украшение кочегарки – могла похвастаться двумя топками. Напротив первой из них, той, что попроще, лежала внушительных размеров куча угля. Две брошенные лопаты ясно показывали, что именно здесь находится рабочее место лоботрясов. Точнее, одно из рабочих мест.

Бизон перехватил взгляд, брошенный Ясенем на шанцевый инструмент, правильно его истолковал и пояснил:

– Никакого прогресса, господин старший помощник, лопатами кидаем, как древние шумеры, прости, господа.

– Надрываемся, – поддакнул Бандера. И покашлял в кулак, продемонстрировав степень надорванности. – Одно слово – рудники.

Особенной жалости к приятелям Виктор не испытывал, однако примитивная технология вызвала у него законное недоумение.

– Почему на устаревшем оборудовании работаете?

И брезгливо дотронулся носком ботинка до ближайшей лопаты.

– Потому, господин старший помощник, что нас сюда и послали уголек кидать, – объяснил Бизон. – Иначе что бы мы делали сотню лет?

Бандера состроил унылую рожу, что резко контрастировало с веселым выражением глаз. Похоже, приятели ждали, что новый начальник задаст идиотский вопрос, и теперь широко улыбались. Где-то в глубине «искры».

– Кстати, об амнистии ничего не слышно?

– Или условно-досрочном?

– Может, походатайствуете?

– А мы отблагодарим чем-нибудь, как-нибудь, когда-нибудь.

– Брат Бандера благодарить умеет, потому мы здесь и оказались.

– Это старая история, брат Бизон, господину старшему помощнику неинтересно.

– Называй без чинов.

– Опять забылся, брат Бандера. Спасибо тебе.

– Пожалуйста, брат Бизон. Обращайся, если что.

Балаган начал раздражать.

– Будете и дальше дурака валять, на УДО не рассчитывайте, – с чувством произнес Ясень.

– Намек поняли!

– Никаких дураков!

Но глаза приятелей противоречили послушному тону. И Бизон, и более простой Бандера смотрели на Виктора так, словно знали нечто ему пока недоступное, и это знание превращало его приказы и обещания в пустой звук.

«Надавить?»

Но внутренний голос, ответственный за общение с народом, помалкивал. Получается – не время.

Вторая топка печи закрывалась блестящей металлической шторкой, над которой белой краской было выведено: «Вы умираете, мы делаем все остальное!» К шторке подходил ленточный транспортер, в начале которого стоял шикарный, красного дерева гроб с бронзовыми ручками. Наверху поговаривали, что за дополнительную плату умельцы вырезали на крышке и стенках сценки из жизни усопшего. Ясень обошел похоронный ящик, барельефов не обнаружил – видимо, покойник при жизни был прижимист, – после чего покосился на приятелей:

– Показывайте!

Бизон обернулся к напарнику:

– Приборы!

Второй кочегар бросился к манометру.

– Давление в порядке!

- Дубина! Температура!
- Подходящая!
- Тогда вперед.

Бизон подошел к началу транспортера, подождал возвращения напарника, после чего кочегары стянули бейсболки, Бизон вытащил из кармана бумагу, сильно похожую на счет-фактуру, и плаксивым голосом зачитал:

– Сегодня мы провожаем в последний путь Валентина Васильевича Никифорова. Мужчину, прожившего долгую и честную жизнь...

«Опять цирк!»

– Его «искра» уже наверху, – буркнул Ясень. – Для чего балаган?

– Проявляем уважение, – объяснил Бандера. – Но если вы приказываете ускорить процедуру – пожалуйста.

И почему-то икнул.

Бизон положил бумажку на крышку и надавил на красную кнопку. Кочегарка наполнилась траурной музыкой, транспортер загудел, гроб двинулся к печи. Бизон и Бандера махали вслед платочками.

– Это и есть уважение?

– Прощаемся, господин старший помощник. Так принято.

Шторка поднялась, открыв замечательный вид на бушующее внутри крематория пламя.

– Теперь Валентин Васильевич Никифоров видит свет в конце тоннеля.

– Хватит паясничать.

– Как прикажете.

Платочки исчезли.

Виктор проследил, как гроб въехал в печь, а когда топка закрылась, повернулся к раздолбаям подчиненным.

– Что будет с прахом?

– Соберем и отдадим.

– Безутешным родственникам?

Приятеля в унисон затрясли головами:

– Кто же нас родственникам покажет, господин старший помощник? В здоровом-то уме?

Прах мы администратору отдаем под роспись.

Опять прокол. И опять небрежно скрытое веселье в глазах приятелей.

«Спокойно! Ты новичок, они присматриваются. Никто не говорил, что будет легко!»

Виктор кивнул:

– Ясно, показывать вас приличным людям не следует.

– Да где их взять, приличных-то? Такая шантрапа кругом, даже страшно делается. Вот на прошлой неделе одного жгли...

«Пора брать ситуацию в свои руки!»

– Моральный облик туземцев обсудим позже. – Ясень уверенно прошел к стоящему в углу грубому деревянному столу и уселся на стоящую рядом с ним лавку. – Присаживайтесь.

– Благодарствуем.

Два металлических шкафчика – видимо, с одеждой. Постеры с обнаженными красотками на стене. Нижние края плакатов усеивали номера телефонов и короткие пометки: «Ленка», «Маринка», «медсестра из травмы»... Приятеля определенно пользовались успехом у женской половины персонала. Еще одна надпись: «Зинка». Телефон правильный. Виктор сумел удержаться, ничем не выдал, что обратил внимание на запись, и перевел взгляд на пожелтевшую афишу, с которой на посетителей тарасились наряженные в облегающие белые комбинезоны лохматые.

«Братья Хаджи-Мурат! Воздушная эквилибристика и уникальные мотоциклетные трюки!»

– Это нас Черепаныч в Воронежский цирк пристроил по старой памяти, – объяснил Бизон. – Когда надо было из Михайловской лет на десять убраться.

– А то примелькались.

– Хорошее было время. Гвоздями программы работали. В Липецке гастролировали, в Хабаровске... Нас хотели в Монте-Карло взять, но не сложилось.

– Побоялись, что мы за рубежом останемся.

– Еще в советское время было.

– Не будешь же объяснять, что мы тогда по Монте-Карло каждую ночь шарились.

– Оставь, брат Бандера, господину старшему помощнику неинтересно.

Приятель расположился на лавке, выставил на стол локти, подперли кулаками подбородки и верноподданно уставились на Виктора, всем своим видом показывая, что готовы внимать. На предплечье Бизона всеми оттенками синюшного сверкала вытатуированная фраза: «Коронован в полночь». Толстенное предплечье Бандеры украшалось зеленым драконом, прихлебывающим из пивной кружки.

Ясень медленно открыл папку, пробежал взглядом по короткому списку и поинтересовался:

– Судя по описи, где-то здесь должен стоять резервный бак. «Емкость охладительная, штатная, двойного сечения, номер шестнадцать дробь полста один».

– Забрал свой металлолом Черепаныч.

– Давно уже.

– Нам железяки ни к чему. От них уголь портится.

– Тем более двойного сечения. Она же неподъемная небось!

Слаженный хор показал, что к судьбе «емкости охладительной» приятели имеют самое непосредственное отношение.

– Резали бак здесь?

– Чем резали?

– Автогеном небось.

– А кому он резанный нужен? Так его можно в отопительную систему вклеить, благо, тепло он хорошо держит, двойное сечение все-таки...

– Дубина ты, брат Бандера, – вздохнул Бизон.

Белобрысый понял, что проболтался, и опустил голову. Виктор сдержанно улыбнулся.

– Черепаныч сказал, что бак должен быть здесь. Ему я верю. – Помолчал. – Продали?

Приятели промолчали.

– Продали. А деньги пропили.

Тишина.

– Глаза поднять!

Парни неохотно подчинились. Ясень тяжело посмотрел на подчиненных, после чего, добавив в голос дружелюбного недоумения, поинтересовался:

– Вам что, деньги нужны? Для чего имущество разбазариваете?

– Если мне чего-то не хватает, значит, я существую, – философски объяснил Бизон.

Но наглые синие глаза не соответствовали унылому тону. Плевать тощий кочегар хотел на гнев нового начальства. Захотел продать – и продал.

– Извините, – пискнул Бандера.

– А еще об условно-досрочном мечтаете.

Приятели синхронно вздохнули.

Ясень выдержал паузу, а затем, еще больше прибавив дружелюбия, произнес:

– Ладно, мурыжить особо не стану.

Бизон и Бандера переглянулись.

– А насчет бака, господин старший помощник?

– Ну, у вас тут производство вредное, – улыбнулся Виктор. – Напишу, что бак поврежден во время выгрузки угля и к дальнейшему использованию непригоден.

– А мы за это будем вести себя хорошо.

– Схватываете на лету.

– Вот это я понимаю – вошел в положение, – повеселел Бизон. – Таких старших помощников еще поискать!

– Спасибо, Ясень, – с чувством произнес Бандера.

– Меня зовут Виктор де ла Вега!

Прозвучало так резко и зло, что Бандера запнулся:

– Я помню.

На несколько секунд в кочегарке повисла напряженная тишина.

– У него случайно вырвалось, – вступился за напарника Бизон.

Виктор покрутил в руке карандаш. Он сам не ожидал, что его так сильно заденет это «Ясень». До самой «искры».

– Кто дал ему право придумывать клички?

Вопрос Виктор задал себе, но Бизон счел нужным ответить:

– Карбид всем придумывает, но разве ему скажешь? Вот какой я бизон, а? А он говорит – Бизон. А этого балбеса? Почему Бандера? Кто такой этот Бандера?

– Тогда почему вы друг друга зовете его кличками?

Приятели вновь переглянулись, после чего Бизон неохотно протянул:

– Карбид не ошибается.

Прозвучало весомо. Ясень вздохнул.

– А кто его назвал Карбидом?

– Горелый.

– Вы как раз ему на смену прибыли.

– Я знаю, кто такой Горелый, – отрезал Виктор.

«Спокойнее! Возьми себя в руки!»

И гораздо мягче произнес:

– Расскажите мне о нем.

– О Горелом?

– О Карбиде, – машинально отозвался Виктор. – Что мне Горелый? Его уже нет.

– Да, его уже нет, – негромко подтвердил Бизон.

Бандера угрюмо кивнул.

Веселье испарилось из глаз приятелей. Ушло совсем, оставив после себя не длинные, но острые колючки.

Ясень понял, что допустил ошибку. Не следовало так легко отмахиваться от Горелого. Все-таки он долго работал на Подстанции, теперь пошел на второй круг. Вполне возможно, что Бизон и Бандера с ним дружили. Или уважали.

Виктор кашлянул.

– Тем не менее, что вы скажете о Карбиде?

– Скажем, что стукачами никогда не были, – отозвался Бизон.

– Тогда что вы вкладывали в понятие «вести себя хорошо»? – холодно осведомился Ясень.

Бандера хмыкнул:

– Уел.

Бизон вздохнул:

– О чем говорить?

– Подробный отчет не нужен. Хочу услышать ваши впечатления. Ощущения. Хочу понять, какой он?

Друзья опять, в какой уже раз, переглянулись.

– Говорить правду или как?

– Правду. И можно на «ты». Я понял, здесь так принято?

– В неофициальной обстановке, – подтвердил Бандера.

– А когда на Подстанции последний раз была официальная обстановка?

– Когда проверка.

– Ясно... – «Проклятое слово! Надо отвыкать!» – В таком случае, хочу услышать правду.

– А правда такая, – серьезно ответил Бизон. – Карбид тебя обломает, Ясень.

На этот раз Виктор не среагировал на противную кличку. Слишком уж неожиданно прозвучало заявление невысокого парня с наглыми синими глазами. Слишком уж прямой оказалась правда. И слишком уверенным показался Бизон.

– Что значит обломает?

– Заставит работать как положено.

– Не на себя, не на Царство, а как положено, – добавил Бандера.

Друзья внимательно смотрели на Виктора, терпеливо ожидая его реакции.

– Вы... – Ясень почувствовал, что не сумеет сдержать ярость. – Вы...

Однако излить гнев не успел. Помещение наполнилось воем сирены, а на стене замелькала оранжевым лампа. Кочегары вскочили на ноги и синхронно натянули на головы бейсболки.

– Что происходит?

– Бегите в дежурку, господин старший помощник. Тревога у нас!

* * *

Даже если бы он мог, даже если бы рот не был накрепко сдавлен скотчем, Скотт все равно ничего не сумел бы сказать. И промывать не сумел бы. И простонать.

Пандора не обманула: его сдавило тисками и разорвало на куски. Он не мог пошевелить ни рукой, ни ногой, ни даже вздохнуть, и его мучило от непрерывного движения вверх-вниз. Он страдал не больше десяти секунд – целую вечность.

И еще он видел.

Скотт наблюдал, как тусклый, льющийся со всех сторон свет превращается в нестерпимую вспышку, перерождаясь во тьму. Скотт видел тьму, умирающую под тяжестью самой себя, дабы обратиться нестерпимо яркой, озаряющей всю Вселенную вспышкой света. Скотт замерзал и плавился от зноя, горел и наслаждался жаром, впитывал чужой свет и отдавал свою тьму.

Но что слова? Они не способны передать то, что видел и чувствовал Скотт. Что испытывает мрамор, от которого отсекают лишнее и тут же добавляют новое? Холст, который распустили и сплетают заново? Какое слово способно передать ощущение чужого прикосновения к самому твоему «Я»? Скотт чувствовал себя обнаженным, униженным, изнасилованным и восставшим. Он потерял свет и тьму, превратился в Ничто, а потом обрел свет и тьму. В их бесконечной погоне друг за другом. Скотт прикоснулся к Вселенной, оставшись в запертom ящике. Он не переродился, но прошел все круги. Стал другим, оставшись собой.

Он познал, что значит «резчик».

А потом открыл глаза.

Несмотря на обещание Пандоры, совсем без крови не обошлось.

Оба: и Скотт, и донор, – без сил обмякли на стульях, и только липкие путы не позволяли им сползти на пол. Гарри глухо стонал, красная струйка, вытекающая из прокушенной губы, пачкала дорожную сорочку. Волосы на висках стали совсем седыми, а вот морщины на лице –

разгладились. Исчезли, словно именно в них отражалась внутренняя война, которую всю жизнь вел с самим собой Скотт. Словно именно в них таились его страхи.

– Омоложение прилагается, – криво усмехнулась Пандора, вытирая со лба пот.

Донор выглядел гораздо хуже Гарри. Впрочем, на то он и донор. Кровь текла из ушей, глаз и носа. Лицо оплыло, черты потеряли резкость, а с уголка рта выбегала слюна. Когда же донор открыл глаза, в них не появилось ничего. Отсутствующий взгляд? Пустой? Безжизненный? Все вместе. Взгляд был, но его не было. Открытые глаза, и все.

Без «искры».

Человека, что сидел напротив Скотта, больше нельзя было назвать человеком.

Пандора взяла в руки ножницы и подошла к Скотту.

– Гарри, ты меня слышишь?

Бессмысленность взгляда Скотта была иного, нежели у донора, рода. Гарри оглушен, подавлен, ошарашен, ему нужно прийти в себя.

И как можно быстрее.

– Гарри! – Пандора ударила мужчину по щеке. Потом еще раз. – Гарри!

Скотт медленно поднял голову. Сфокусировал мутный взгляд на женщине. Открыл рот, шевельнул нижней челюстью, пытаясь выдать слово. Со второй попытки у него получилось.

– А?

– Слышишь меня?

– Плохо...

Значит, все в порядке: «плохо» было первым словом у всех клиентов Пандоры.

– Плохо слышишь или тебе плохо? – уточнила женщина.

– Мне плохо.

Да, все в порядке.

– Тошнит?

– Да.

– Болит?

– Да.

– Где?

– Везде.

– Очень хорошо.

Скотт судорожно вздохнул:

– Я умер?

– Почти.

– Ты не говорила, что я почти умру.

– Извини, Гарри, – пожала плечами женщина, – во время рекламной кампании о некоторых аспектах сделки упоминать не следует.

– Ты меня обманула.

– Ты жив.

Оспаривать это заявление Скотт не стал.

– Развяжи меня.

Пандора аккуратно разрезала ножницами скотч и помогла мужчине встать на ноги. Поддержала, когда он пошатнулся.

– Нормально?

– Думал, будет хуже. – Гарри постепенно приходил в себя. – Пить хочу.

– Выйдем – попьешь.

Пандора отпустила руку Скотта, подошла к небольшому кейсу, который принесла в подвал до начала ритуала, и присела перед ним на корточки.

– Бомба? – хладнокровно поинтересовался Гарри, разглядывая нутро распахнувшегося чемоданчика.

– Пластиковая взрывчатка.

Восемь аккуратно выложенных белых брусков, проводка, детонатор и таймер, который Пандора выставила на шестьдесят минут. Скотт перевел взгляд на донора, помолчал и произнес:

– Он выглядит как полный кретин.

– Овощ, – подтвердила женщина. – Его «искра» искалечена, процесс необратим и неизлечим. Он ничего не помнит, ничего не знает. У него нет имени и нет инстинктов. Даже инстинктов.

– Круто, – тихо произнес Гарри.

– Зато ты стал другим.

– Еще неизвестно.

– А мне кажется, ты уже все понял.

Страх ушел. Червяк, пожирающий душу с самого первого дня, умер. Растворился в безумии другого человека, захлебнулся в чужой храбрости.

Скотт пронзительно посмотрел на донора. Пандора улыбнулась.

– У тебя получилось. – Он не спрашивал.

– Я обещала. – Она не отвечала.

Гарри поправил рубашку, прошелся по комнате и уже другим, деловым, тоном спросил:

– Зачем ты хочешь его взорвать? Насколько я понимаю, наш друг никогда никому ничего не расскажет.

– Его обнаружение вызовет ненужные вопросы, – объяснила Пандора. – Как получилось, что сравнительно молодой, полный сил мужчина неожиданно исчезает, а затем обнаруживается в заброшенном доме в состоянии овоща? Люди падки на нездоровые сенсации. Полиция начнет копать.

– Но вряд ли до чего докопается.

– Тем не менее это риск. И риск, в первую очередь, для тебя, Гарри. Если же от тела останутся одни фрагменты, то никому не придет в голову связать обнаруженные останки с исчезновением маленького человечка. Скорее полиция подумает, что здесь устроили разборку твои коллеги.

– Пожалуй, – усмехнулся Скотт.

– Спасибо. – Пандора нажала на кнопку, и таймер начал обратный отсчет. – Открывай дверь, Гарри, за нею тебя ожидает новая жизнь.

* * *

Пожар, к счастью, не начался. Гореть в подвале было нечему, а деревянные перекрытия схватиться не успели, повезло то есть. Но разворотило дом знатно. Обрушились половина крыши, северная и западная стены и большая часть пола первого этажа. Подвал же представлял собой яму, наполненную строительным мусором, среди которого изредка попадались вкрапления красного. Немного крови и мяса, смешанные с пылью, камнем и деревом.

– Для чего она устроила взрыв? – пробормотал Ясень, разглядывая руины.

– Ей нравится, – тихо ответил Карбид.

– То есть логичного объяснения нет?

– Меньше следов, меньше проблем с полицией. – Герман поковырялся в куче мусора, не нашел ничего интересного и прошел чуть дальше. – Можно сказать, Пандора делает нам одолжение. – Наклонился и подобрал лежавший возле куска стены указательный палец. – Ни тела, ни «искры». Она отняла у него не только жизнь, но и Вечность.

Не совсем верно: «искра» донора еще жива. Искалеченная, сломанная, не сумевшая подняться с Земли, она ушла в Отстойник Ручного Привода, ждать... Конца. У этой «искры» не будет будущего, не будет вечного «сейчас». И все, что могут сделать для нее Карбид и Ясень, – отомстить. Расплатиться с «резчиком», отправив Пандору на второй круг.

Герман внимательно посмотрел на помощника:

– Ясень, я хочу, чтобы ты провел осмотр.

– Как скажешь, – кивнул Виктор, но тут же, вспомнив, начал: – Кстати, мне не нравится кличка, которую ты мне...

– Это не кличка, а псевдоним, и сейчас не время его обсуждать, – угрюмо прервал Ясень Карбид. – Я хочу, чтобы ты провел осмотр.

– Следов же не осталось.

– Она могла допустить ошибку. – Карбид закурил. – И еще я хочу посмотреть, как ты проведешь осмотр. Это экзамен.

– Я сдал все экзамены.

– Тем лучше. Считай, что все вокруг настоящее. – Герман стряхнул пепел. – И поторопись, пожалуйста: минут через пятнадцать придет полиция.

Дом – обычный, недорогой «сэндвич», стоял на отшибе, однако гулкий взрыв наверняка привлек внимание. Не мог не привлечь. Вскоре на разбитой дороге появятся синие патрульные машины. За ними, возможно, подтянутся зеваки из числа окрестных фермеров. Выйдут из пикапов и встанут под дождем, тараща на останки строения. Но это – вскоре. А сейчас здесь работают другие специалисты.

Ясень вытащил из кармана коммуникатор и надавил на несколько кнопок.

– Черепаныч, данные по «искре» есть?

– Файл уже отправлен.

– Отлично. – Виктор потыкал в экран стилусом, вызывая пришедший файл, затем включил диктофон и принялся читать: – Донор – Ричард Стивен Джонсон, похищен, судя по полицейским записям, около восемнадцати часов назад. Причина тревоги... – Ясень посмотрел на Карбида, тот нехотя кивнул. – Причина тревоги – нарушение первого уровня. Умышленное повреждение «искры». Причина смерти – взрыв. Поврежденная «искра» находится в Отстойнике. Осмотр места преступления проводят комендант Подстанции Герман Пивоваров и старший помощник коменданта Виктор де ла Вега. Место преступления идентифицировано как заброшенная ферма...

Ясень сбился, поймав себя на мысли, что положенные по инструкции действия выглядят как-то... глупо. Кому, скажите на милость, какому кретину из какого Царства интересно, как именно «идентифицировано» место преступления, кем и почему? Кого вообще волнует, где именно «резчик» изувечил очередную «искру»?

Виктор выключил диктофон. Герман улыбнулся. Судя по всему, он ждал, что напарник поступит именно так.

– Какой по счету? – хмуро осведомился Ясень.

– Третий.

Начал накрапывать дождь, сигарета Карбида намокла, и он щелчком отправил ее в грудку мусора.

– Почему ты думаешь, что это Пандора?

– А кто еще?

Виктор пожал плечами.

– Она отправила на второй круг коменданта Подстанции... После такого с Земли надо уходить. Пандора ведь не идиотка, должна понимать, что ты станешь искать ее с особой старательностью.

– Пандора нарушила закон, – ровно ответил Карбид. – А у меня работа такая: искать преступников с особой старательностью.

– То есть не важно, что речь идет о Горелом?

Герман поежился – вода проникла за ворот серого свитера – и спрятал руки в карманы штанов.

– Почему спрашиваешь?

– Хочу понять, как ты относился к Горелому.

– Зачем?

– Я занял его место и должен знать, что меня ждет. Как мы будем уживаться?

Карбид кивнул, показывая, что понял смысл вопроса и согласен с ним, помолчал, изучая какую-то деревяшку под ногами, а затем поднял голову и посмотрел в глаза Ясеня.

– Горелый был моим другом.

Да уж, слухи о том, что на Подстанции все поставлено с ног на голову, оправдались. «Был моим другом»? А ведь речь идет об освобожденных, раскрывшихся «искрах», принадлежащих разным Царствам!

– Невероятно, – негромко бросил Виктор.

Замечание Карбид пропустил мимо ушей.

– Но ты займешь его место только в том случае, если сам этого захочешь. – После чего качнулся с пятки на носок и официальным тоном продолжил: – «Резчики» уникальны, их очень мало, единицы. И не каждый соглашается вернуться на Землю, но если уж вернулись, то попадают в полную зависимость от пославшего Царства. Именно поэтому я считаю, что мы имеем дело с Пандорой. Она не ушла, потому что ей не разрешили.

* * *

– Зачем мы сюда приехали? – поинтересовалась Пандора.

– Посидеть в тишине, – спокойно ответил Скотт.

– И все?

Покинув дом, кортеж из двух машин некоторое время мчался по автостраде к городу. Однако примерно через двадцать миль водители повернули на грунтовую дорогу, углубились в лес и остановились на небольшой поляне. С трех сторон ее окружали деревья, с четвертой омывало небольшое озеро. Скотт, который сидел рядом с Пандорой, ничего не говорил своим людям, а значит, приказ ехать в это уединенное местечко они получили заранее.

Пандора знала, зачем Гарри велел ехать в лес – почти все ее клиенты поступали именно так, однако виду не показала. С другой стороны, совсем не реагировать она тоже не могла, чтобы не вызвать подозрений, а потому спросила, куда они едут? Скотт ответил, что это сюрприз, и Пандора сделала вид, что поверила.

Выйдя из остановившейся машины, Скотт медленно подошел к берегу и уселся на большой плоский камень, лежащий у самой воды. Места хватило и для Пандоры, которая разместилась рядом, касаясь плеча Гарри. Около минуты она, беря пример со Скотта, разглядывала спокойное озеро, после чего и завела разговор.

– Я хочу посидеть в тишине.

– Обязательно здесь?

– Я люблю бывать на природе, – отозвался Гарри. – Я вырос в Огайо, на ферме, так что эта страсть у меня в крови.

– Сочувствую.

Он улыбнулся:

– Спасибо.

Они помолчали еще пару минут, а затем Скотт, продолжая смотреть на озеро, попросил:

– Хочу услышать правду.

«Вот те на!»

Пандора ожидала совсем иного разговора, совсем других слов, а потому ответила на секунду позже, чем должна была:

– Какую правду?

– О тебе, – объяснил Гарри. – О нас. О том, что мы натворили.

– Мы совершили преступление.

– Это понятно.

– Нет, не понятно. – Пандора решила подыграть Скотту. – Хочешь знать правду? ОК. Ты ее узнаешь. Убийство – мелочь. Мы замазались гораздо сильнее.

– Мы?

– Ты и я, – уточнила женщина.

– Что же может быть хуже предумышленного убийства? Или ты имеешь в виду похищение?

– Я имею в виду убийство «искры».

– Убийство чего? – От удивления Скотт позабыл играть невозмутимость: обернулся и посмотрел на женщину.

Которая осталась спокойна.

– Ты действительно хочешь знать правду?

– Да, – колебавшись, ответил Гарри. – В своих делах я предпочитаю искренность. Что такое «искра»?

– Ты. Я. Каждый твой громила. Донор. Любой человек. – Пандора обхватила руками согнутые ноги и положила подбородок на колени. – Ты когда-нибудь ходил в церковь, Гарри?

– Разумеется.

– В таком случае ты знаешь, что в каждом из нас живет нечто бессмертное, нечто ценное, нечто, что делает нас нами.

– Душа.

– На самом деле ее называют «искрой», – поправила его женщина. – Она появляется при рождении. Входит в тебя, становится тобой, собственно, она и есть ты. А ты есть она. Ибо наше тело всего лишь прах. Временный сосуд.

– Я ожидал чего-то более неожиданного, – разочарованно признался Скотт.

В церковь он, возможно, и ходил, но особо там не прислушивался.

– Ты не в кинотеатре, – грубовато отрезала Пандора. – Ожидать неожиданного будешь там. Сейчас же слушай правду.

– Которая заключается в существовании Троицы?

– Которая заключается в том, что «искры», Гарри, рождаются только здесь, на Земле. Нет во Вселенной другого места, где бы они появлялись. Представляешь, Гарри, – нету! – Пандора грустно улыбнулась. – Все есть: величие, красота, сила, вечность... все! А «искры» приходят исключительно отсюда.

– Что значит «приходят»?

– Ты правильно подумал, Гарри, – кивнула Пандора. – Оставляя Землю, «искры» устремляются во Вселенную. К звездам. К Вечности. В мире сильных нашему праху нечего делать.

– Повторяю: я ожидал услышать правду, – в голосе Скотта проскользнули угрожающие нотки.

– Тебе трудно поверить, но Земля – это детский сад. А твои «серьезные» дела и «сложные» проблемы – лишь игры в песочнице. – Пандора продолжила говорить так, словно Гарри ничего не произнес. – Наша жизнь здесь – это становление. Мы учимся быть собой и, что самое главное, решаем, какими мы будем потом. Выбираем путь. А их всего два, Гарри, всего

два Царства. Без полутонов. И каждое из Царств заинтересовано в том, чтобы ему досталось больше «искр».

– Зачем?

– Чтобы утвердить свою власть. Разве непонятно?

– Но ведь «искры» бессмертны.

– Здесь, Гарри, здесь, в детском саду. Наверху другие правила.

– Получается, там так же, как и у нас, – после короткой паузы произнес Скотт.

– Очень похоже, – подтвердила Пандора. – Ведь «там» – тоже мы. Только в ином обличье. Вновь пауза.

– Ты собираешь «искры»?

– Да. Ты заинтересовал мое Царство, и я была послана сделать так, чтобы ты гарантированно попал к нам.

– В чем же гарантия?

Он спросил, хотя уже догадался.

– Мы с тобой, Гарри, совершили самое страшное преступление из всех возможных, – с мстительным удовольствием ответила женщина. – Мы уничтожили «искру» донора. Я искалечила ее, теперь она не сможет подняться во Вселенную, достичь звезд и обрести Вечность. Она погибнет. Мы вмешались в Промысел.

– Ты говорила, что «искры» на Земле бессмертны.

– Есть исключения. – Пандора посмотрела на Скотта. – Такое преступление нельзя искупить или замолить. Так что теперь ты наш, Гарри. Навсегда.

– Чем мне это грозит? – быстро спросил Скотт.

– Ничем. Кроме того, что ты уже ничего не изменишь.

– А чем это грозит тебе?

– Меня еще должны поймать.

– Кто?

Пандора легко рассмеялась.

– Земля слишком ценное место, чтобы оставлять его без присмотра. Здесь есть те, кто следит за порядком.

– Воспитатели?

– Я ведь сказала: следит за порядком, а не утирает сопли. Вмешиваться в дела людей им запрещено. Собственно, всем запрещено. И они за этим следят.

– Кто они?

– Я ведь сказала: тебе ничего не грозит. Они уже не смогут выдернуть из тебя то, что стало твоим. И не смогут спасти «искру» донора.

Скотт в задумчивости провел ладонью по камню.

– А что сделают тебе? Если поймают, конечно?

– Отправят на второй круг.

– Как это?

– Для вернувшейся «искры» законы Земли несколько другие, – объяснила Пандора. – Я могу улететь в любой момент, но если меня убьют в этом теле, если я не успею убраться и умру, то моя «искра» вновь возродится. Девственно чистой, как в первый раз. Вся моя память, мое «Я» – все уйдет. Начнется второй круг.

– Ты сильно рискуешь, – помолчав, произнес Гарри.

– Я знаю.

– Оно того стоит?

Он имел в виду возвращение. Ее работу здесь. Он хотел услышать, какую награду получит «резчик» за свой риск. Не услышал. Награда обещана, награда весомая, даже по меркам

Вселенной. Еще было упоение от работы, от использования своего дара. Еще – наслаждение жизнью здесь, среди таких слабых, еще не развитых «искр». Все было.

– Да, – ответила Пандора. – Оно того стоит.

И поймала себя на мысли, что ответила уверенно, но без той железобетонной твердости, которую чувствовала раньше. Казалось, каждый новый донор отнимал у нее частичку самоуверенности.

Или так только казалось?

– Теперь поговорим о воспитателях, – произнес Скотт. – Где их база? Было бы интересно заглянуть.

– Ты с ними познакомишься, – пообещала Пандора. – Неужели ты думаешь, я рассказала тебе правду из вежливости? Пройдет несколько часов, милый Гарри, и к тебе придут. Сначала расспросят обо мне, а после сотрут тебе память. И ты никогда не вспомнишь ни наше маленькое приключение, ни этот разговор.

На этот раз Скотт молчал довольно долго. Так долго, что Пандора даже подумала, что ошиблась в нем. Неужели он не попытается...

«Не ошиблась!»

Попытается, конечно, попытается. Все пытаются. Отчего-то заказчики мнили, что останутся должны ей. Или что в «целях безопасности» следует избавиться от нежелательного свидетеля. Все-таки духовная нищета, характерная для нынешнего «цивилизованного» человека, вызывает умиление. Вот раньше, веке, этак, в девятнадцатом, или уж тем более в пятнадцатом-шестнадцатом, ни один заказчик и помыслить не мог о нападении на демона. Сразу понимал, что не светит. Отравить, правда, пытались, другие агенты Пандоре о таких случаях рассказывали, но чтобы вот так нагло, с оружием, лицом к лицу... Глупеют людишки, откровенно глупеют.

«Разобраться» с Пандорой Скотт решил на обратном пути, когда они шли к машинам. По дороге Гарри галантно поддерживал женщину под руку, но в пяти шагах от автомобилей остановился и грустно улыбнулся:

– Надеюсь, ты меня простишь?

Она вздохнула.

– Значит, мы приехали сюда не только поговорить?

– Разговор меня увлек, но... – Скотт обаятельно улыбнулся. – Ты права – есть и другое дело.

– Не веришь мне?

– Ты свидетель, – объяснил Гарри. – А потому вопрос веры звучит глупо. Это тебе любой адвокат скажет. Так ты меня прощаешь?

– Бог простит.

– Не думал, что ты в него веришь. Особенно после того, что я от тебя услышал.

– Я в него не верю. Я просто знаю о нем больше тебя.

Шестеро парней Скотта подготовились заранее, и подготовились, надо отдать им должное, очень хорошо. Не делая резких движений, не суетясь, не торопясь, они взяли Гарри и Пандору в кольцо, затем, когда Скотт закончил говорить, один из них сделал шаг вперед и прикрыл хозяина собой. Время пришло. Они подготовились хорошо, но все равно действовали по схеме. Когда сформировался круг, Пандора поняла, что стрелять будет только один из них, тот, что стоит напротив, или тот, что сзади. Так безопаснее.

– Прощай, Пандора.

А вот это совсем глупо. Договариваться с убийцами о сигнальной фразе – верх идиотизма. Дешевая театральность.

«Или он принимает меня за дуру?»

– Прощай...

Обратное сальто с места всегда производит впечатление. Тем более когда тело рисует дугу не меньше двух метров радиусом. Стрелять, как выяснилось, должен был тот, кто стоял лицом к ней. И это хорошо. Потому что в тот самый момент, когда он надавил на спусковой крючок, Пандора уже укрылась за спиной другого бандита. Который и принял предназначенную ей пулю. Мгновение – и его пистолет оказался в руке Пандоры. Выстрел в убийцу – так было надо, он уже выстрелил и не остановится. А вот остальных можно пожалеть.

Удар ногой, удар рукоятью пистолета, ребром ладони в кадык и апперкот. Пандора двигалась в разы быстрее обычных людей, била на порядок сильнее, невероятно точно, а потому у телохранителей Скотта не было ни одного шанса совладать с ней. Тем не менее с первого удара вырубился только тот громила, что получил в кадык. Остальным Пандора добавила. После чего заломила Гарри руку и прижала к капоту машины.

Бежать Скотт не пытался. Просить пощады тоже.

– Видишь, как все обернулось? – весело произнесла Пандора.

– Теперь я окончательно тебе поверил, – прохрипел Скотт.

– Ну, наконец-то. – И женщина, к большому удивлению Гарри, отпустила его. – Много же времени тебе понадобилось.

Скотт выпрямился и размял плечо, стараясь не смотреть на валяющихся вокруг телохранителей.

– Ты знала, что я захочу тебя убить?

– Все пытаются, – махнула рукой Пандора. – Наверное, именно поэтому мы вас и выбираем.

Гарри обдумал слова женщины и покрутил головой.

– Да, наверное. – И тут же широко улыбнулся. – Представляешь, я совсем не боялся. Ты их лупила, а я не боялся. – Он наслаждался своим новым «Я». – Это круто. Ты молодец, Пандора.

– Всегда пожалуйста, Гарри. Не будешь против, если я одолжу твою машину?

– Без проблем.

Скотт сопровождал Пандору до автомобиля, подержал дверцу, но прежде чем захлопнуть ее, осведомился:

– Еще увидимся?

– Не будем зарекаться.

– Но шансов мало.

– Ага.

– В таком случае – прощай.

* * *

– Шесть с половиной часов с момента преступления, – вздохнул Ясень, входя в кинозал. – А мы ничего не сделали.

– А что мы должны были сделать? – поинтересовался Карбид. – Поймать Пандору?

– Да, поймать! – с неожиданной горячностью ответил Виктор. – Она должна быть наказана!

Герман с пониманием покачал головой:

– Мы занимаемся ее поимкой четыре месяца. Как видишь, без особого успеха.

Тон коменданта был настолько близок к безразличному, что Виктор с недоумением посмотрел на напарника: шутит? Не похоже. Смирился с поражением? Тоже вряд ли: Карбида характеризовали как опытного и цепкого охотника. Тогда что?

– Мне казалось, коменданты Подстанции располагают большими возможностями для поиска преступников, – осторожно заметил Ясень.

– Если отойти достаточно далеко, то большое покажется маленьким, а маленькое исчезнет совсем, – глубокомысленно отозвался Герман. – Неподалеку от места преступления проходит оживленное шоссе. Нет сомнений в том, что Пандора и заказчик уехали по нему. Таймер был выставлен не меньше чем на час, то есть...

– То есть единственный наш шанс – заглянуть в прошлое донора?

– Совершенно верно. – Карбид не обиделся на то, что Ясень его оборвал. Или сделал вид, что не обиделся. Устроился в неудобном кресле, всем своим видом показывая, что готов к началу просмотра. Однако Виктор не считал, что разговор окончен.

– Я слышал, вы каким-то образом вычислили предыдущего донора.

– Да, – коротко подтвердил Герман.

– И пытались взять Пандору на месте преступления.

– И потеряли Горелого.

«Уж не в этом ли дело?!»

– Решил больше не рисковать? – с нехорошей улыбкой спросил Ясень.

«Неужели ты и теперь сохранишь спокойствие?»

Не сохранил. Но и злость, на которую рассчитывал Виктор, в глазах Карбида не появилась. Наоборот, вспыхнули веселые огоньки, на несколько мгновений разогнавшие вечное спокойствие Германа.

– Да, Ясень, я стал осторожнее. Не хочу потерять еще и тебя.

– Не называй меня Ясенем, ясно?!

Карбид расхохотался. Без издевки. Весело. Запрокинул голову и едва не пропустил удар взбешенного Виктора. Но именно – едва.

Герман перехватил кулак в сантиметре от лица. Крепко, до хруста, сдавил сжатую кисть напарника и, потеряв веселость, выдохнул:

– Не продолжай. – Помолчал. – Не надо.

Ясень кивнул, коря себя за то, что не сдержался.

– Вот и хорошо. – Герман отпустил руку. – Садись.

Ну что ж, будем считать конфликт временно улаженным. Виктор опустил в кресло и хмуро спросил:

– Как вам удалось выйти на донора?

– Расскажу, – пообещал Карбид. – Потом как-нибудь. – И повернулся к старику в черном, молча ожидающему окончания разговора: – Аскольд Артурович, мы готовы к просмотру.

Арчибальд кивнул.

Кинозал Подстанции был небольшим, древним и очень уютным. Белый экран висел позади небольшой сцены, даже не сцены, а возвышения, подходящего скорее для лектора, чем для актеров. Справа от двери – стопка ярко-красных пластиковых ведер. Десять рядов простеньких кресел по пять в каждом, позади них – престарелый кинопроектор. Будка для кино-механика не предусматривалась, а потому Аскольд Артурович хранил свое «хозяйство» тут же. Вдоль задней стены были выставлены столы с оборудованием для перемотки и склейки пленки, плюшевое кресло, шкафчик и множество металлических коробок с пленками.

Услышав слова Карбида, старик выключил свет, проектор ожил, застрекотал, и на экране появились черно-белые кадры.

Дождь, улица, вечер. Человек идет по тротуару.

– Зачем смотреть похищение? – шепотом спросил Ясень.

– Некоторые агенты заставляют заказчиков приходить на ритуал в маске, – также тихо ответил Карбид. – Если Пандора поступила так, нам придется выходить на ее клиента через похитителей.

– Пожалуй, – после короткой паузы согласился Ясень и, когда на экране появилось изображение фургона, аккуратно записал его марку и номер.

Следующие за похищением несколько часов жизни киномеханик промотал в ускоренном темпе: сначала чернота, затем изображение помещения. Последнее пристанище Ричарда Стивена Джонсона, взгляд изнутри.

– Мы там были, – едва слышно пробурчал Карбид.

«Только выглядело оно хуже», – мысленно добавил Виктор.

Когда же на экране открылась дверь и в комнату вошли Пандора и Скотт, Карбид и Ясень машинально подались вперед.

– Она? – осведомился Виктор, внимательно разглядывая женщину.

– Да.

– Красивая.

Пленка у Аскольда Артуровича оказалась не лучшего качества: иногда изображение теряло резкость, иногда уходило вбок или вверх, однако это не помешало Ясеню оценить изысканную прелесть Пандоры.

– Клон, – равнодушно отметил Карбид. – Вырастила тело по особому заказу.

А еще – пылающий огонь полностью раскрывшейся «искры», придающий невообразимый блеск глазам и царственную уверенность жестам.

Виктор поймал себя на мысли, что готов любоваться Пандорой часами.

«Она ведь преступник! Я должен ее поймать! – Смутился. Но следом пришла еще одна мысль: – А что Карбид прячет под маской безразличия? Неужели не видит, что Пандора...»

– Очень красивая, – вслух повторил Ясень.

Герман промолчал. По всей видимости, его запас эмоций на ближайший час исчерпался в стычке.

Сцену ритуала просмотрели в тишине, и лишь в самом конце, когда донор потерял сознание и картинка оборвалась, Виктор поинтересовался:

– Для чего аттракцион?

– Чтобы произвести впечатление на заказчика. – Пауза. – Ей это нужно. – Карбид повернулся к киномеханику. – Аскольд Артурович, вы не передадите Черепанычу кадр с физиономией клиента?

Старик включил свет, подошел к коменданту, на ходу вынимая из кармана маленький блокнот, что-то написал в нем карандашом и протянул Карбиду:

«Уже отдал».

– Он немой? – негромко спросил Ясень, выйдя из кинозала.

– Не хочет ни с кем разговаривать.

«На Подстанции работают странные ребята...» Похоже, эту аксиому придется вспоминать часто.

– И давно?

– Горелый говорил, лет триста.

Карбид остановился под плакатом «Учебные фильмы – лучший путь к самосовершенствованию!» и достал из кармана джинсов мятую пачку сигарет.

– Зачем тебе имя заказчика? Хочешь его наказать?

– А если так? – прищурился Карбид. – Он знал, на что шел.

Виктор нахмурился:

– Не имеешь права.

– А кто узнает?

– Я не позволю.

– Я – комендант, – веско напомнил Герман. – Ты обязан мне подчиняться.

– До тех пор, пока твои приказы законны.

– Живешь по инструкциям?

– Собираюсь их соблюдать.

Тяжелый взгляд Карбида танком уперся в Ясеня, но тот выдержал.

«Думаешь меня обломать? Не выйдет!»

– Здесь будет порядок, – твердо произнес Виктор. – Ясно?

– Здесь был, есть и будет Ручной Привод, – не менее твердо отозвался Герман. – И мы, те, кто с ним работает.

– Ты не бог.

– Я и не претендую.

Карбид так и не закурил. Вертел в руке пачку, но сигарету не вытащил. И теперь, опустив голову, уставился на нее, словно вместо «Минздрав предупреждает...» на ней были начертаны Откровения.

– Скажи, Виктор, зачем ты вызвался на Подстанцию?

– Меня назначили.

– Комендантами назначают только добровольцев. – По губам Германа скользнула тень усмешки. – На что надеешься? На что рассчитывал, отправляясь сюда?

– Считаешь меня карьеристом?

– Еще не знаю, – вздохнул Карбид, убирая пачку в карман. – Но симптомы налицо.

– А даже если так? – Ясень холодно улыбнулся. – Здесь будет порядок. Сотрудники будут работать как положено. Здесь будут соблюдаться законы. И какая разница, карьерист я или нет?

– Либо смысл твоих действий – работа. Либо – получение благодарностей, поощрений и продвижение по служебной лестнице.

– В нашем Царстве эти вещи взаимосвязаны, – высокомерно произнес Виктор.

– Но мы на Земле, – напомнил Карбид.

– Мы, мой друг, на Подстанции. – Ясень помолчал. – Я знаю, что не нравлюсь тебе...

– Не в этом дело, – мягко перебил его Герман. – Ты есть, и с этим надо считаться. И еще нам вместе работать. А значит, мы должны доверять друг другу.

– Работать по правилам, – подчеркнул Виктор.

– Ну, да... – Карбид вздохнул. – Я не собирался трогать заказчика. Мы просто навестим его и выясним, знает ли он что-нибудь о дальнейших планах Пандоры.

– Она не идиотка, чтобы откровенничать с клиентами.

– Все ошибаются, Ясень, все.

* * *

– Привет! – Юлия вынырнула в прихожую и чмокнула Олега в щеку. – Разогреешь ужин сам, ладно? Не обижайся! Пожалуйста!

Последние слова она произнесла, скрывшись в комнате.

– Без проблем.

Олег разулся, прошел на кухню, поставил на плиту кастрюлю с водой – в его понимании «разогреть ужин» означало сварить пельмени – и направился в комнату переодеваться. Офисный костюм и галстук в шкаф, сорочку и носки в стиральную машинку, треники, майка – и блаженное безделье...

Юлия обнаружилась в привычной позе: лежа на тахте с ноутбуком под носом.

– Чем увлеклась на этот раз?

– М-м... Все тем же.

– Возвращениями?

– Почти.

«Не угадал».

Олег закрыл шкаф, зевнул и уточнил:

– Но связано с больницей?

– Ага, – кивнула девушка. – Я провела в Михайловской целый день.

– И чего выяснила?

«Включить игрушку или ну ее?» В принципе оставался еще один уровень, самый сложный, самый интересный. «Пройти сейчас или оставить до выходных?»

– Не очень много, но... – Юля допечатала абзац, задумчиво перечитала написанное и повернулась к Олегу. – Я с самого начала знала, что там что-то не так.

– Это было очевидно, – рассеянно кивнул молодой человек, продолжая размышлять насчет игрушки.

– Опять прикалываешься?

– Еще нет.

Девушка подняла левую бровь:

– С огнем играешь, Ольгерд. Обижусь – будешь знать.

Пришлось отставить компьютерные мысли и включаться в разговор по-настоящему.

– На что обидишься, Юля? Я ведь любя. Просто подшучиваю.

– Ты разогрел ужин?

– В процессе.

– А мне?

На плите зашумела вскипевшая вода. Олег улыбнулся:

– Пойдем на кухню.

Дальнейший разговор проходил за столом. Молодой человек суеился по хозяйству: засыпал пельмени в воду, поставил чайник, а Юля рассказывала последние новости:

– Я пошла к главврачу. Слушай, дядька – тот еще жук. Академик, врач отличный, хватка железная, всех в кулаке держит.

– Значит, в Михайловской порядок?

– У Митина все по полочкам, – подтвердила девушка. – Каждому свое место и свое дело. Врачи лучшие, медсестры лучшие, оборудование лучшее. Он мне похвастался, а потом по поводу возвращений так проехался, что я из кабинета вышла, будто оплеванная.

– Я сразу сказал, что эта твоя идея...

– Да заткнись ты! Дальше слушай! Короче, я решила с людьми поговорить, зря, что ли, таскалась? Опять же, если они такие крутые, можно материал сделать об их крутизне. Сейчас репортажи о ткачихах любят. С врачами поговорила, с Ольгой, а потом смотрю – дом стоит. На схеме его нет, а в реале – стоит. Я спрашиваю: что это? «Малая Земля», говорят. Корпус старый. Один из первых больничных корпусов, прикинь?

– Ну и что?

– Вот и я сначала: ну и что? А потом спрашиваю: внутри что? Фигня, говорят, всякая. Котельная резервная, морг старый и никому не нужный склад никому не нужных вещей. Вроде.

– Ну и что? – повторил Олег.

Юля, пораженная такой недогадливостью, всплеснула руками и с жаром продолжила:

– Ты прикинь: Михайловская больница в самом центре, так?

– Ну?

– Место удобное, выгодное, о нем все знают. Знаешь, сколько там офисы стоят?

– Догадываюсь.

– Главврач мужик крутой, своего не упустит, а на территории у него старинный дом, который почти не используется. Это же бардак, понимаешь? Да если его нельзя использовать для целей больницы, можно фирме какой-нибудь сдать. Лабораторию сделать, ну, хоть что-нибудь полезное. А он, считай, просто так стоит. Так не бывает!

В принципе Олег давно привык, что его девчонка – натура увлекающаяся. Для журналиста это нормально. Тем более для журналиста начинающего, которому сенсации нужны, как

воздух. Но искать страшные тайны в самом обычном доме – это перебор. Одно дело жить с любимой и совсем другое – с сумасшедшей любимой.

– Юла, ты извини, но я не вижу в твоём рассказе ничего интересного.

– Ольгерд, ты бестолочь, – безапелляционно ответила девушка. И выложила еще один козырь: – «Малой Земли» даже на схеме больницы нет!

– Может, ее сносить собираются.

– А...

Фраза оборвалась. Судя по всему, столь простая мысль не пришла девушке в голову. Олег поздравил себя с достойно проведенным разговором и только собирался вернуться мыслями к игрушке, как Юля, потыкав вилок в пельмени, отложила ее и негромко сообщила:

– Я еще кое-что видела. Точнее, слышала.

– Что? – В отличие от подруги, молодой человек охотно налегал на ужин, а потому вопрос прозвучал невнятно.

– В больницу мужика привезли с переломом ноги. – Девушка вновь взялась за вилок, но использовать ее по прямому назначению не стала. Повертела, задумчиво разглядывая зубцы. – Свободных санитаров не оказалось, и его тащили в приемную санитары из морга, как раз с «Малой Земли».

– И что?

– Я слышала, как эти парни на мужика посмотрели и говорят: не жилец. Тот в ответ: у меня только нога сломана. А эти ржут: мы, мол, в морге работаем и все знаем.

– Черный юмор, – улыбнулся молодой человек. – Фирменный. Медицинский.

– Юмор, – согласно кивнула Юля. – Только мужик и правда умер.

Олег почувствовал, что история произвела на девушку сильное впечатление. Он быстро прожевал пельмень и осторожно заметил:

– Совпадение.

– Занятное совпадение, ты не находишь? Два санитары с одного взгляда предсказывают больному смерть. Потом этот больной попадает в лучшую в стране больницу к лучшим в стране врачам – если верить Митину, разумеется, – они лажают, и больной умирает.

– Все ошибаются.

– Да, ошибаются все.

Олег понял, что не был убедителен. Помолчал, собираясь с мыслями, и веско, как на деловых переговорах, начал:

– Юла, давай серьезно. Хочешь – обижайся, хочешь – нет, но мне кажется, ты переборщила с мистикой. Что, опять же, не очень хорошо для карьеры. Если принесешь редактору историю о чудесах в больнице, дальше программы «Необыкновенное за плечом» или, там, «Король магии» не поднимешься. Будешь всю жизнь бегать от целителя к гадалке и выслушивать лекции о кармическом захвате силовых лучей космоса.

– Я понимаю, – кивнула Юля. – И мне этого не хочется.

– Так что забрасывай это дело и постарайся найти что-нибудь стоящее.

Девушка слабо улыбнулась:

– Ты крепко стоишь на ногах.

– За это ты меня и любишь.

Прагматизм молодого человека уравнивал романтическую натуру будущей журналистки.

– Не только за это, – призналась девушка. – Еще ты умеешь варить пельмени.

– И водить машину.

– Ага. – Юля съела несколько остывших пельменей, отодвинула тарелку и, подумав, вернулась к теме: – Хорошо, давай используем твой прагматизм. И логику.

– Никакой мистики?

– Никакой.

– Тогда – давай. – Олег налил две чашки чая и вновь уселся напротив девушки. – Начи-
най.

– На схеме больницы «Малая Земля» отсутствует.

– Ее собираются сносить.

– Схема не выглядит новой, ее повесили не меньше года назад, а может, и больше. Почему корпус до сих пор не снесли?

– Не успели. Денег не хватило. Тысяча причин! В наши-то дни? Юля, ты как будто вчера родилась.

Все так. Не подкопаешься. Олег твердо стоял на ногах и давал абсолютно достоверные ответы на любые вопросы. Но... Все так, и все не так. Юля чувствовала, именно чувствовала, что с «Малой Землей» что-то не так.

Молодой человек наклонился и заглянул девушке в глаза.

– Юля, что происходит? Выбрось из головы этот корпус...

– Не могу, – тихо ответила девушка. – Мне кажется, что «Малая Земля» для чего-то нужна главврачу. Только он скрывает, для чего.

– Спроси у него, – брякнул Олег.

– Спрошу, – немедленно пообещала Юля.

– Смеешься? Придешь и спросишь, зачем на территории находится этот корпус? Да он тебя на смех поднимет!

– А вдруг там из людей органы вынимают?

– Э-э...

Как и любой обыватель, в глубине души Олег верил в то, что некоторые очень плохие врачи в некоторых очень плохих больницах тайно делают очень плохие операции, извлекая из живых или специально умерщвленных людей нужные больным толстосумам органы. Здесь его знаменитый прагматизм давал сбой, а потому внятного ответа Юля не дождалась.

– Э-э...

– Похоже, ты об этом не подумал.

– Э-э... – Молодой человек опомнился и улыбнулся: – Почему ты так решила?

– Я видела там странную машину, – медленно ответила Юля. – Представляешь, «Победа»...

– Древняя рухлядь?

– Ты дослушай, – обиженно отозвалась девушка. – Древняя – да. Но совсем не рухлядь. Белая, блестящая, вылизанная, стекла тонированные... она выглядит так, словно стоит дороже нашей квартиры.

– Может, на этой твоей «Малой Земле» работает фанат старых автомобилей? Восстановил своими силами.

– Я видела этого «фаната». Он выглядит на миллион баксов. Одет с иголочки, ручки ухоженные...

– Как ты разглядела?

– В фотоаппарат, разумеется, – отмахнулась девушка. – Короче, я не могу его представить в гараже. А с фантазией у меня, как ты знаешь, все в порядке.

– И что?

– Ты можешь себе представить врача, который вбухивает кучу денег в восстановление старой машины? – Юля вспомнила «Мерседес» Халидова, на мгновение осеклась, но продолжила: – Возможно, конечно, но все равно подозрительно.

– Значит, органы вынимают?

– Или что-нибудь другое, но тоже противозаконное. Производство наркотиков, например.

Олег покачал головой:

– В таком случае ты ввязываешься в опасное дело.

Прозвучало не очень легко, но и без натуги. Чувствовалось, что молодой человек не особенно верит в подозрения девушки, однако беспокойство они у него вызвали.

– Боишься, что меня убьют?

– Хорошие журналисты часто оказываются в ненужном месте в ненужное время или задают ненужные вопросы.

– Но ведь не всех убивают, – усмехнулась Юля. – Приличные люди сначала предлагают уладить дело по-хорошему.

– И ты возьмешь деньги?

– Смотря сколько предложат, – шутливо ответила девушка.

Олег покачал головой:

– Юла, я серьезно: если ты вдруг узнаешь, что на этой твоей «Малой Земле» действительно режут людей на органы, ты возьмешь деньги? – Чувствовалось, что для молодого человека очень важно услышать ответ. – Возьмешь?

– Нет, – твердо ответила Юля.

– Это хорошо, – медленно произнес Олег. – Но в этом случае тебе нужно держаться от «Малой Земли» подальше. Чтобы не возникало необходимости договариваться.

Девушка вздохнула:

– Один день?

– Зачем?

– Я просто спрошу о ней, ничего больше. За спрос не берут.

– Зачем?

– Мне интересно.

Олег помолчал, допил чай, после чего кивнул:

– Один день. Но потом забываешь о Михайловской и ищешь новую тему.

– Хорошо. – Юля улыбнулась, потянулась и поцеловала друга. – Договорились.

Олег отправился мыть посуду, а девушка вернулась в комнату и посмотрела на фотографию «Малой Земли», выведенную на монитор ноутбука.

* * *

«Значит, ко мне придут... Жаль, что Пандора не сказала, сколько у меня времени».

Скотт верил словам ведьмы – придут. Зачем ей врать? Верил он и в то, что ему лично ничего не грозит. Дело сделано, его будущее изменено навсегда, и если его убьют – а что может быть хуже? – то добьются лишь того, что его «искра» быстрее окажется в predetermined Царстве.

«Они будут копаться в моей „искре“!»

Мысль раздражала.

Гарри бесился даже не потому, что, возможно, забудет некоторые события последних дней. В конце концов, жизнь штука сложная, и многие вещи приходится забывать, чтобы не сойти с ума. Его приводил в ярость сам факт: кто-то примет решение за него.

Скотт изменился.

Всю дорогу до своего тщательно защищенного офиса Гарри размышлял о способах, позволяющих избежать предсказанной Пандоры участи, и не надумал ничего более умного, как попытаться противостоять таинственному «кому-то» его же оружием.

«Он будет копаться в моей голове. Значит, мне нужен тот, кто умеет делать то же самое. Вполне возможно, что он уберет мою память».

Придя к такому выводу, Гарри нажал на кнопку интеркома:

- Джейн!
- Да, мистер Скотт, – тут же отозвалась секретарша.
- Джейн, кто в нашем городе лучший гипнотизер?
- Гипнотизер, сэр? – В голосе девушки послышалось удивление.
- Да, Джейн, гипнотизер.
- Я попытаюсь узнать, сэр.
- И назначьте нам встречу.
- Да, сэр.
- И...

Гарри запнулся.

– Мистер Скотт?

– И не беспокойте меня минут двадцать, – приказал Гарри. – Мне нужно подумать.

– Да, мистер Скотт.

Но если бы Джейн видела своего работодателя, она ответила бы не так спокойно. И не ответила бы, наверное, а вызвала к боссу телохранителей. Или врачей. Потому что взгляд Гарри остановился. Опустился. А слова, хоть и произнесенные обычным тоном, вылетали из механически открывающегося рта.

За столом роскошного кабинета сидела марионетка.

А кукловоды стояли в углу, у распахнувшихся среди деревянных настенных панелей дверей лифта.

– Ну как?

Виктор подошел к Скотту и помахал рукой у него перед глазами:

– Все в порядке.

– Хорошая работа, – одобрил Герман. – Меньше трех секунд. Классная скорость.

Ясень подозрительно посмотрел на напарника, однако увидев что Карбид не подначивает его, а действительно хвалит, чуть расслабился:

– У меня всегда получался гипноз.

Герман кивнул, показав, что услышал, после чего осведомился:

– Допрос проведешь?

– Почему я?

– Хочу посмотреть.

– Опять экзамен?

– Забудь об экзаменах, – жестко отозвался Карбид. – Я просто хочу посмотреть, как ты работаешь.

Логичное пожелание, учитывая обстоятельства.

– Ладно. – Виктор присел на краешек стола, однако, подумав, вновь встал на ноги, принес себе стул и повернул сидящего в кресле Гарри так, чтобы оказаться с ним лицом к лицу. – Мистер Скотт?

– Я вас слушаю.

– Я хочу поговорить о Пандоре.

– Что вы хотите знать?

Ясень покосился на Германа:

– Она не поставила блок.

– А зачем? – пожал плечами Карбид. – Мы знаем, как Пандора выглядит, мы знаем, что она делает. Мы знаем, что именно она стоит за этим преступлением. Какой смысл ставить блок?

– Она уверена в себе.

– Вот именно.

Виктор вновь сосредоточился на Гарри:

– Когда вы расстались с Пандорой?

- Примерно в час ночи.
- Вам известно, куда она направилась?
- Она взяла мою машину.
- Вы уже нашли ее?
- Пандора оставила ее у международного аэропорта.

И снова взгляд на Карбида:

- Возьмем список рейсов и попробуем вычислить, куда полетела Пандора?
- Сначала она полетела в какой-нибудь крупный город. Там пересела на другой самолет.

Пустая работа. – Герман поразмыслил секунду и добавил: – Или поступила еще проще: оставила машину у аэропорта, взяла такси и поехала на железнодорожный вокзал.

– Ясно. – Виктор быстро прикинул варианты, мысленно согласился с напарником и продолжил допрос: – Как вы познакомились с Пандорой?

– Она со мной познакомилась, – механически уточнил Скотт. – Как я потом понял, она спланировала все заранее.

- Встречалась ли Пандора с кем-нибудь помимо вас?
- Мне об этом неизвестно.
- Где она жила?
- Не знаю.
- Говорила ли она, куда поедет?
- Нет.
- Говорила ли Пандора что-нибудь, из чего вы могли бы понять, куда она поедет?
- Нет.
- Объяснила ли Пандора вам, что делала?
- Она сказала, что исправила мою «искру».

Ясень выругался и посмотрел на Карбида.

- Зачем?
- Чтобы мы стерли Скотту память, – усмехнулся Герман.
- Почему это так важно?

– Мистер Скотт знает, что гарантированно попадет в конкретное Царство. Возможно, в какой-то момент это знание начнет его угнетать. Возможно, он попытается исправить ситуацию, возможно, покончит с собой – в этом случае его «искра» не достанется никому. Поэтому Пандоре будет лучше, если Скотт все забудет.

– Но сама она стереть Скотту память не может.

– Совершенно верно. Такое воздействие на «искру» способен обеспечить только Ручной Привод. – Герман скривился. – И теперь нам придется подыграть Пандоре.

Несколько секунд Виктор молчал, затем достал телефон:

- Черепаныч?
- Да.
- Ты видишь клиента?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.